

## НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Н. И. ХРАПУНОВ

### КРЫМ В ОПИСАНИЯХ РЕДЖИНАЛЬДА ХЕБЕРА (1806 г.)

В конце XVIII – начале XIX вв. длительные зарубежные путешествия были весьма популярны среди образованной части европейской аристократии, в особенности англичан. В то время поездки на континент предпринимались многими молодыми (и, разумеется, богатыми) британцами, завершившими свое образование и не обремененными еще семьей и долгами. Ведение дневниковых записей, почти непреходящая черта дворянской культуры, не прекращалось и в этих поездках, а последующее опубликование путевых заметок считалось хорошим тоном. Так развивался жанр путевых заметок, или, как иногда говорят в специальной литературе, травелога – рассказа о посещении отдаленных стран света, культура которых была не похожа на европейскую. Для современников эти сочинения становились важным (а для некоторых едва ли не единственным) источником знаний о других странах, для потомков – особой группой исторических источников.

Ценность травелогов как отдельного типа источников трудно оспорить. В частности, благодаря им известные события, факты и явления нередко обнаруживаются с противоположной, иногда не очень приглядной, но в любом случае другой стороны. Сочинения путешественников могут содержать информацию, попросту отсутствующую в источниках местного происхождения (например, рассказы о встречах с соотечественниками и их краткие биографии). Разумеется, нередко путевые заметки больше говорят об авторе, его менталитете, образовании, симпатиях и предубеждениях, чем об увиденных местах и людях.

Внешнеполитические успехи Российской империи, присоединившей обширные земли на западных и южных границах и все более активно участвовавшей в большой европейской политике, делали ее привлекательным объектом для путешественников. Многие из них желали собственными глазами увидеть новые южные владения России и, в частности, Крым, особенную

притягательность которому придавало его длительное нахождение под властью Османской Порты. Из опубликованных записок европейцев, побывавших на полуострове в конце XVIII – первой половине XIX вв., выделяется небольшая группа научных описаний Крыма, авторы которых были людьми высокообразованными, подходившими к своим поездкам очень ответственно. В частности, они предварительно изучали разнообразную историческую литературу и сочинения древних авторов, которые они к тому же (в отличие от многих современных специалистов) могли читать на языке оригинала. Это труды П.С. Палласа и Э.Д. Кларка, М. Гатри и Ф. Дюбуа де Монпере. С известными оговорками сюда можно отнести и дорожный дневник англичанина Реджинальда Хебера, литератора и богослова, художника и автора религиозных гимнов, впоследствии – епископа индийской Калькутты (рис. 1).

Реджинальд Хебер родился 21 апреля 1783 г. в Мальпесе в графстве Чешир, что на западе Англии. Его отцом был священник, принадлежавший к знатной и богатой йоркширской семье, ведущей род от Вильгельма Завоевателя. В ноябре 1800 г. подававший немалые надежды юноша был отдан в оксфордский колледж Брейзен-Ноуз. Здесь он сполна продемонстрировал свой талант, завоевав ряд литературных призов за произведения в различных жанрах поэзии и прозы. Хебер писал не только на родном языке, но и по-латыни. В 1800 г. премии университета был удостоен латинский «Гимн столетних игр» (*Carmen saeculare*), в 1803 – сочиненная по-английски поэма «Палестина» (*Palestine*), которая считается лучшим поэтическим произведением, когда-либо написанным в стенах Оксфорда. В ноябре 1804 г. Хебера избирают членом оксфордского Олл-Соулз-колледжа. В следующем году он получает очередную университетскую награду, на этот раз – за прозаическое эссе «Чувство чести» (*The Sense of Honour*). Вскоре после этого Хебер завершает свою блестящую карьеру в университете и отправляется в длительное европейское турне. В пути Хебер вел дневник, а также писал подробнейшие письма родным.

В поездке Хебера сопровождал друг его детства Джон Торнтон. Их путь лежал на север Европы – в Швецию и Норвегию, а оттуда в Финляндию и Россию. В Петербурге Хебер пробыл довольно долго, причем его интересовал не только императорский Двор, но и жизнь рядового населения города (не случайно целые пассажи его путевых заметок посвящены, например, артельщикам и прачкам). Отсюда Хебер выехал в Москву, где он пробыл довольно долго, по обыкновению знакомясь с местным бомондом и вдумчиво изучая архитектурные памятники города и особенности культуры и быта его жителей. Из Москвы путешественники отправляются далее на юг, в «землю казаков», через Харьков на Дон, в Таганрог и Тамань. Путешественники ехали верхом, зачастую в сопровождении охраны, любезно предоставленной им российскими чиновниками; за ними следовали две повозки, нагруженные разно-

образной поклажей. Обогнав их, путешественники делали остановки для занятий рисованием. Путешествие проходило достаточно медленно – Хебер часто жалуется на незапланированные остановки и задержки. Наконец, весной 1806 г. они переправились через Керченский пролив и оказались в Крыму.

Из Керчи проехали в Феодосию и оттуда через Старый Крым и Сурб-Хач – в Судак, где познакомились со знаменитым ученым П.С. Палласом, автором записок о путешествии в Крым, краткую французскую версию которых Хебер взял с собой в качестве путеводителя. Далее они проследовали в юго-западном направлении, вдоль берега моря, посетив, в частности, Ламбат, Партенит, Гурзуф, Ялту, Кореиз, Балаклаву и Севастополь. Достигнув юго-западной оконечности полуострова, направились в его глубь – через Инкерман в Бахчисарай, Чуфут-кале и Симферополь. Далее были Евпатория и Перекоп, где Хебер и Торнтон простились с Тавридой. Таким образом, путешественники пересекли Крым с востока на запад и затем с юга на север, посетив наиболее значимые города и деревни.

Вслед за тем, побывав в Херсоне и Одессе, Хебер покидает пределы Российской империи. В дальнейшем его путешествие проходило по Венгрии, Австрии, Чехии и Германии; в Гамбурге путешественники погрузились на корабль и отплыли на родину.

Вскоре после возвращения домой Хебер принял по примеру отца сан священника англиканской церкви (1807 г.) и поселился в селении Ходнет в графстве Шропшир, что на западе Англии. В том же году Оксфордский университет присваивает Хеберу степень магистра. Его деятельная натура не знает усталости: не забывая о своих непосредственных обязанностях перед прихожанами, Хебер не без успеха занимается литературой и журналистикой. Он является заместителем редактора и постоянным автором публицистического журнала «Quarterly Review»<sup>1</sup>, публикует религиозные гимны в журнале «Christian Observer»<sup>2</sup>, готовит издания своих поэтических произведений – «Палестины» [3] и сборника стихотворений и переводов [4]. Параллельно Хебер не без успеха трудится в публицистическом жанре, результатом чего стал большой трактат о Европе накануне Наполеоновских войн [5].

Вероятно, в это время Хебер познакомился с Э.Д. Кларком (1769-1822 гг.), минерологом, совершившим путешествие по Европе за несколько лет до Хебера, в 1799-1800 гг.<sup>3</sup> Кларк готовил к публикации описание своего путешествия.

---

<sup>1</sup> Журнал английских тори (консерваторов), основанный Вальтером Скоттом в 1809 г. Просуществовал до 1967 г.

<sup>2</sup> Английский теологический журнал, издавался с 1801 г.

<sup>3</sup> Еще в Крыму Хебер слышал имя Кларка от профессора П.С. Палласа, в гостях у которого британский минеролог побывал за несколько лет до того [1, р. 255].

Он получил возможность ознакомиться с рукописным дневником Хебера, ссылки на который и цитаты из которого нередко в издании его собственных записок [6, р. iv; 275, п.\*; 318, п.\*; 320, п.\*; 323, п.\*; 339, п.+; 349, п.\*; 351-352, п.\*; 353, п.\*; 354, п.\*; 354-359, п.+; 364, п.\*; 380, п.\*; 383-384, п.\*; 393, п.\*; 395, п.\*; 403, п.\*; ср. французское издание: 7, р. vii; 231, п.1; 232, п.1; 236, п.2; 243, п.1; 252, п.1; 357, п.1; 361-363, п.1; 369-370, п.1; 412-413, п.1; 436-437, п.1; 442, п.1; 445-446, п.1; 447, п.1; 448-465, п.1; 449-453, note a; 478, п.1]. Книга Кларка стала бестселлером, выдержала несколько изданий и была сразу же переведена на французский и немецкий языки<sup>4</sup>. В одном из переизданий труда Кларка появляется рисунок фонтана в селе Дерекой на южном берегу Крыма, выполненный рукой Хебера [1, р. 257, note \*]. При подготовке французского издания «Путешествий» Кларка переводчик не только получил возможность ознакомиться с путевым дневником Хебера, но и включил дополнительные отрывки из него (во французском переводе) в свои примечания к тексту [7, р. 449-453, note a]. Почему же Хебер сам не публиковал своих записок? Первоначально ему, вероятно, помешал интерес Кларка. В 1812 г. Хебер писал одному из друзей: «...поскольку д-р Кларк выбрал из моих дневников все, что он счел самым любопытным, мои бумаги так сильно рассеяны, что я совершенно потерялся, не знаю, как вернуться к какой бы то ни было их части» [1, р. 359]. Может быть, Хебер прочитал сочинение Кларка и решил, что не сможет прибавить к нему что-то существенное. Труд Кларка представляет собой не столько отчет о путешествии, сколько подборку сведений энциклопедического характера (исторических, этнографических, археологических, природно-географических). Кроме того, объем «Путешествий» Кларка значительно превышал соответствующую часть дневников Хебера. Но, что вероятнее, Хеберу просто не хватило времени<sup>5</sup>.

---

<sup>4</sup> К сожалению, русского перевода этого чрезвычайно интересного источника не существует. Недавно была издана одна из его глав [8]. Это – двойной перевод с французского текста по изданию 1812 г., причем переведены также примечания французского переводчика. Об уровне перевода на русский язык говорит, например, то, что слово «Voyages» в русском варианте названия передано в единственном числе, а инициалы автора, по мнению Н. Иванкевич и Н. Бусаревой, звучат как «М.Е.-Д.». Однако «М» – это сокращение от «monsieur» (!), а Кларка звали Эдуард Даниил (или Эдвард Дэниэл, Edward Daniel). Подобные грубейшие ошибки, а также отсутствие вводной части и современных комментариев, не говоря уж о самом принципе перевода не с английского оригинала, совершенно обесценивают труд авторов перевода. Благодарная и актуальная задача по изданию на русском языке, по крайней мере, «крымской» части «Путешествий» Э.Д. Кларка пока по-прежнему далека от разрешения.

<sup>5</sup> Тем не менее, даже опубликованные обрывочно, в примечаниях к Кларкову труду, записки Хебера не остались незамеченными. Так, например, англичанка Мэри Холдернес, которая с 1816 по 1820 г. жила в деревне Карагоз (совр. село Первомайское Кировского района) и впоследствии издала воспоминания о поездке в Россию, упоминает рассказ Хебера о монастыре Сурб-Хач [9, р.196], известный ей, вероятно, из книги Кларка [6, р. 357, note +].

Вернемся, однако, к биографии Хебера. В апреле 1809 г. Реджинальд женился на Амелии Шипли. Первым подарком ей стала, разумеется, Библия. Много лет спустя, в Индии, он напишет посвящение жене: «Если бы ты была рядом со мной» (*If Thou Wert By My Side*), которое считается одним из лучших лирических стихотворений своего времени. Впоследствии Амелия станет редактором, издателем и первым биографом своего мужа. У Реджинальда и Амелии было три дочери, старшая из которых умерла в младенчестве.

Карьера Хебера идет по нарастающей. Он публикует произведения в самых разных областях: на религиозную тему [10], в биографическом жанре [11], занимается литературной критикой, трудится над историей казаков и словарем Библии, состоит в переписке со многими видными деятелями европейской культуры, читает проповеди и лекции в Оксфордском университете, продвигается в иерархии англиканской церкви. В 1819 г. Хебера принимают в лондонский Клуб путешественников – он стал одним из тех немногих лиц (всего их было четыре), которым, как выдающимся путешественникам, была дарована привилегия членства в клубе без исполнения обязательного для остальных требования жить в английской столице.

Наконец, в январе 1823 г. Хебер получил назначение в Индию, на пост епископа Калькутты. Хебер не очень желал этой поездки и дважды от нее отказывался. Незадолго до отплытия он получает диплом доктора богословия Оксфордского университета.

Как и следовало ожидать, в Индии ему предстояло сделать множество дел<sup>6</sup>. Хебер был неутомим: его огромная практическая энергия находила выход в трудах для блага собственного диоцеза и в миссионерской деятельности, в деле распространения христианства на Востоке. Епископ совершил ряд поездок по стране, во время которых он не только освящал новые церкви и открывал школы, но и находил время для этнографических наблюдений, ведения дневников и занятий живописью. Вскоре по прибытии

---

<sup>6</sup> Калькуттская епархия англиканской церкви, первая на территории Индии, была слишком велика для одного предстоятеля. Не случайно вдова епископа Хебера, Амелия, в предисловии к жизнеописанию мужа призывает разделить этот диоцез на несколько церковных округов. «Он сам, – пишет она о Хебере, – пылкий, каким он был, в исполнении всех этих обязанностей до последнего за счет семейного счастья, здоровья и самой жизни, был глубоко убежден в необходимости подобного разделения. Он никогда не жаловался, даже своей жене, на недомогание или усталость; но он очень нуждался в помощи, так как понимал, что ничто, кроме его собственной огромной энергии, кроме его полной преданности работе, не могло бы сделать все то, или почти все то, что должно было быть сделано на обширном поле полезности, которое представляла собой индийская епархия; на поле, которое, к славе божьей, расширяется каждый день» [1, р. vi; см. также: р. vii-viii; 2, р. 133-415, и приложение к тому].

Хебер занял пост вице-президента Королевского Азиатского общества, занимая который, он оказывал разнообразную помощь исследователям-индологам и способствовал изданию их работ. Не забывал он и о поэзии, с трудом выкраивая для нее время среди других дел.

Несколько лет самоотверженного труда в тяжелом климате Индии подорвали здоровье епископа. 3 апреля 1826 г. он умер, принимая ванну, в городе Тируччираппалли, не дожив 18 дней до своего сорокатрехлетия (рис. 2). Хебер похоронен в церкви св. Иоанна в этом же городе. В Лондоне, в кафедральном соборе св. Павла, где покоятся многие знаменитые англичане, находится кенотаф Реджинальда Хебера с его скульптурой и длинной прочувственной эпитафией. Сегодня в Калькутте можно увидеть памятник епископу Хеберу и колледж его имени. На его родине, в английском Мальпесе, в церкви св. Освальда, ректором которой был его отец, находятся витражи, рассказывающие о жизни епископа Хебера [о его биографии и творчестве см.: 1; 2; 12, vol. 12, Ch. V, §39; 13, s.v. Reginald Heber; 14; 15].

Остался большой архив дневников, переписки и неопубликованных произведений. Его изданием занималась вдова, Амелия Хебер. Сначала она публикует сборник религиозных гимнов [16], которые нынче считаются одними из лучших, написанных на английском языке. В том же 1828 г. издается подборка поэтических произведений [17]. В 1829 и 1837 гг. публикуются сборники проповедей Хебера [18; 19], а в 1841 г. – собрание его поэтических произведений [20]. Именно поэзия и особенно религиозные гимны прославили Хебера; они до сих пор пользуются популярностью, а потому переиздаются [см., например: 21; 22].

Считается, что Хебер мог бы стать выдающимся поэтом, если бы ему удалось уделять этому ремеслу больше времени и сил. Абсолютно все критики отмечают присущие ему талант и чувство стиля. Лучшими его произведениями считаются «Палестина», гимны и немногочисленные лирические стихотворения – произведения в совершенно разных жанрах, но одинаково талантливые и искренние. Хебера относят к числу «малых поэтов» (*lesser poets*) романтического периода английской литературы, работавших в начале XIX в. – «малых» по контрасту с их великими (и куда более известными) современниками: Вальтером Скоттом, Байроном, Китсом и Шелли.

Но не одной лишь поэзией ограничивается литературное наследие Хебера. Его прозаические произведения – это, главным образом, дневники, путевые заметки и переписка. Понимая, что рассказы о дальних странах пользуются большой популярностью среди читающей публики, Амелия Хебер готовит к печати дневниковые записи своего мужа о его поездках по Индии и Цейлону [23]. Вслед за этим она приступает к работе над жизнеописанием Хебера (рис. 3), которое было опубликовано два года спустя: двухтомное издание

вышло в Нью-Йорке, в издательстве англиканской церкви «Protestant Episcopal Press» [1; 2]. Рассказ о европейском путешествии будущего епископа занимает значительную часть первого тома (8 глав из 17).

При подготовке книги использовались, в частности, документы из семейного архива, воспоминания, дневниковые записи Реджинальда Хебера, сделанные во время путешествий, переписка. Получившийся текст довольно своеобразен. Если жизнеописание епископа до и после его европейской поездки построено в классическом биографическом жанре, то путешествие описывается одной сплошной цитатой из дорожного дневника Хебера, с добавлением его писем к матери и брату. В результате, если во всей биографии (то есть там, где редактору приходилось объединять и обрабатывать целый набор разнообразных документов) повествование ведется от третьего лица, то в главах о путешествии – от первого.

Как видно из сравнения жизнеописания 1830 г. с фрагментами, опубликованными в примечаниях к английскому и французскому изданиям Кларка, редакторская правка не коснулась ни стиля, ни языка оригинальных текстов. В издании 1830 г. сохранены некоторые даты, взятые из дневника. Дневниковые записи разрываются письмами Хебера. Очевидно, редактор постаралась поставить каждое письмо после дневниковых записей за тот день, который стоит и в дате отправки письма. В результате письма иногда продолжают рассказ дневника, иногда подводят ему итог, хотя нередко и повторяют сказанное. Письма цитируются практически без изменений, за исключением лакун, аккуратно отмеченных редактором – вероятно, выпущены отрывки, не имеющие прямого отношения к путешествию. Редактор разделила всю книгу, в том числе и части, посвященные европейской поездке Хебера, на главы и, вероятно следуя литературной традиции эпохи, предпослала каждой главе аннотацию. Все аннотации, в том числе для «дневниковых» глав, написаны от третьего лица.

Сохранился ли оригинал путевых заметок Хебера, неизвестно. Может быть, его еще можно отыскать где-то в фамильных архивах. В противном случае, можно попытаться восстановить крымскую часть путевых заметок Хебера хотя бы частично, на основе трех первоисточников. Во-первых, материалов, опубликованных в восьмой главе «Жизнеописания» 1830 г. Во-вторых, фрагментов, ставших частью «Истории казаков», работу над которой Хебер не завершил [1, р. 531-638]. В-третьих, отрывков, попавших в примечания к труду Кларка и его переводу на французский язык<sup>7</sup>. Основой этой реконструкции

---

<sup>7</sup> После возвращения из европейского турне Хебер не раз возвращался к российским материалам и темам в письмах к друзьям. Перевод одного из этих писем, представляющих собою любопытную подборку советов путешественнику по Восточной Европе, по сути дела – путеводитель, включающих среди прочего и некоторые интересные для истории Крыма материалы, опубликован [23а].

должна стать публикация 1830 г. Русский перевод соответствующей части этого сочинения представлен ниже.

Как уже говорилось, поэтические произведения Хебера обнаруживают разнообразие художественных талантов автора. Совсем другое – его труды, не предназначенные для широкой аудитории. Читатель, ждущий от путевых заметок Хебера каких-либо литературных откровений, будет разочарован. Он не найдет здесь пышной образности и эмоциональной выразительности, свойственной религиозным гимнам Хебера. Что, в общем, не удивительно – характер произведения определяет его стиль. Стиль писем и дневников Хебера предельно прост и лаконичен, лишен особенных украшений, иногда даже монотонен. Перед нами – сухой отчет об увиденном, опись местностей и народов. Но это обстоятельство ни в коей мере не уменьшает значение записок Хебера как исторического источника. Именно то, что понижает привлекательность хеберовского травелога в глазах литературоведов и широкой публики, наоборот, увеличивает его значение для историка и этнографа. Путевые заметки открывают Хебера как вдумчивого, объективного, критически мыслящего человека, любознательного и восприимчивого.

Хебер хорошо подготовился к путешествию в Россию, и в частности, в Крым: им были изучены сочинения его предшественников – путешественников, труды древних авторов и исторические работы. В частности, анализ крымской части его жизнеописания показал, что Хебер читал, и читал внимательно, сочинения древних авторов – Клавдия Птолемея, Страбона, «Письма с Понта» Овидия, «Периплы» Псевдо-Арриана и Анонима. Из одного из более поздних писем [1, р.313] следует, что Хебер имел с собой краткую версию описания Крыма, составленную П.С. Палласом на французском языке<sup>8</sup>. Он был знаком и с «Путешествиями» Элизабет Крэйвен<sup>9</sup> и Марии Гатри<sup>10</sup>. В Петербурге были куплены какие-то дорожные справочники. Явные и скрытые отсылки ко всем этим текстам обнаруживаются на страницах дневников Хебера. В поездку были взяты также гравюры с изоб-

---

<sup>8</sup> Петр Симон Паллас (1741-1811) – знаменитый немецкий путешественник и натуралист, академик Петербургской академии наук, много лет проживший в Крыму, автор «Путешествия по южным провинциям Российской империи» [24]. Его труд переведен на многие европейские языки, в том числе английский [25] и русский [26]. Краткая версия [27] издана Палласом предварительно, за несколько лет до выхода его основного труда.

<sup>9</sup> Англичанка баронесса Крэйвен совершила в 1786 г. длительное путешествие по Франции, Италии, Германии, Польше, России, Турции и Греции, отчет о котором опубликован в форме писем к маркграфу Бранденбургскому, и вскоре переведен на французский и русский языки [28; 29].

<sup>10</sup> Мария Гатри – английская путешественница, в 1795 -1796 г. совершившая путешествие на юг России с целью поправки здоровья. Отчет об этом путешествии в форме подборки из 100 писем к мужу, находившемуся в то время на русской службе в Петербурге, опубликован в 1802 г. [30].

ражением животных и птиц, которых путешественники надеялись увидеть на востоке Европы [см.: 1, р. 251].

Показательно, что названия, связанные с древнегреческими поселениями, Хебер приводит в латинской транслитерации (например, Criû-metoron, Eupatoria, Phanagoria, Theodosia, Bosphorus<sup>11</sup>). Иначе говоря, он прекрасно знал древние источники о Северном Причерноморье. И наоборот, татарские названия воспроизводятся приблизительно, ведь, по признанию автора, он иногда записывал их со слуха или даже забывал. Реки, европейские столицы и наиболее известные европейцам (на то время) города России названы так же, как принято в современном нам английском языке.

От большинства путешественников по России того времени Хебера отличает известная его объективность. Сравним, например, дневники Хебера с сочинением Кларка. У Кларка жители России жестоки, невежественны, хитры, бесчувственны, низки, грубы, разумеется, склонны к пьянству и т. п. – иначе говоря, являются варварами [см., напр.: 7, р. 43, 120, ср.: р. 391]. Хебер же заявляет, что пьют русские меньше, чем англичане [1, р. 232, 233]. Некоторые чиновники, конечно, склонны к вымогательству, однако другим свойственна удивительная честность, сопряженная иногда с большими неудобствами [1, р. 245]. Жестокости казаков, о которой Хебер столько слышал, видеть ему не доводилось [1, р. 232]. Наоборот, даже в Пасхальную неделю, целиком отданную развлечениям, казаки куда меньше пьют и бунтуют, чем англичане в праздник; Хебер не видел в это время ни одной драки [1, р. 233]<sup>12</sup>.

Вообще Хебера очень занимала жизнь современников, потому он не упускал возможности поговорить с представителями разных классов и народов, населявших империю и ее границы, побывать на различных приемах и на церковной службе. Важным источником информации Хебер считал официальных лиц: так, он сожалеет, что ему не удалось встретиться с губернатором Каффы, и потому описание города получилось не полным [1, р. 254]. Конечно, ни Хебер, ни Торнтон по-русски не говорили, что затрудняло общение и получение информации. Когда английского не хватало, они, как и все образованные люди того

---

<sup>11</sup> В этот список попали даже Simpheropol, не имевший к античным городам отношения, однако обладавший греческим названием (в обычной английской передаче – Simferopol), а также Херсон, имя которого дается в транслитерации с греческого – Cherson (то есть именно так, как пишется по-английски название города, у которого современный Херсон «позаимствовал» свое имя – средневекового Херсона, в античности – Херсонеса; название нынешнего города на юге Украины пишется Kherson). Впрочем, подобный прием встречаем и у других путешественников того времени, знавших о греческом происхождении этих названий. Например, у М. Гатри и Э.-Д. Кларка – Sympheropol и Cherson.

<sup>12</sup> Впрочем, как раз о казаках Кларк высокого мнения, противопоставляя их «двуногим свиньям» – русским [6, р. 391, 466].

времени, переходили на французский [1, р. 216]. Постоянно приглашались переводчики, впрочем, судя по записям Хебера, нередко сомнительных достоинств. В некоторых случаях приходилось прибегать к двойному переводу, что значительно снижало достоверность полученных сведений [1, р. 249].

Этот особенный интерес к повседневной жизни современников, по всей видимости, можно считать отличительной чертой путевых заметок Хебера. Например, Марию Гатри увлекала прежде всего история тех мест, по которым она проезжала, потому современным реалиям внимание почти не уделялась. Кларк, конечно, больше интересовался современностью, однако концентрировался в основном на негативных последствиях присоединения Крыма к России, ибо относился к последней с явной предвзятостью. Показательно, что Кларк (так же, как и его французский переводчик) цитирует дневники Хебера в большинстве случаев тогда, когда речь заходит о современном ему состоянии Крыма.

Итак, Хебера занимали не только и не столько мелкие детали прошлого, камни и монеты, но и в большей степени то, что он видит здесь и сейчас. Разумеется, существует превосходное природно-географическое и историко-этнографическое описание Крыма, принадлежащее перу академика Палласа, значительно превышающее записки Хебера и объемом, и ученостью. Но, полагаю, русский перевод отрывка из жизнеописания калькуттского епископа не будет совсем лишен интереса для исследователей.

Думается, именно большое внимание Хебера к настоящему, окружающей его действительности делает записки ценным источником по истории России начала XIX в. Но источником не официальным, а бытовым, описывающим реальную жизнь людей, а не потемкинские деревни. К слову, картины запустения Крыма после присоединения к России и эмиграции значительной части татарского населения, нарисованные Хебером, в целом совпадают с описаниями других европейских путешественников. Хотя записки Хебера уступают по информативности сочинениям ученых путешественников (П.С. Палласа, Ф. Дюбуа де Монпере, Э.Д. Кларка), их труды – это в большей степени энциклопедические сочинения. Работа же Хебера – яркий представитель жанра травелога (путевых заметок), в котором – другие объекты, другие интересы, другая точка отсчета по сравнению с официальными актами и научными описаниями. Наконец, Хеберу удалось сообщить некоторые интересные детали о крымских жителях, их быте, занятиях, культуре (например, едва ли не впервые говорится о судостроении у крымских татар или об использовании орехового сока вместо сахара), а также рассказать об этническом составе населения ряда городов.

Отмечу и такой факт. Хотя записки путешественников по югу России конца XVIII – начала XIX вв. – довольно популярный предмет исследования, однако, собственно, **публикации** источников занимают в этих штудиях весьма

незначительное место. Оригинальные же издания травелогов давно стали библиографической редкостью. Таким образом, издание крымской части путевых заметок Реджинальда Хебера прежде всего расширят репрезентативность источников по истории и этнографии полуострова в начале XIX в.

Завершить разговор об актуальности путевых заметок Хебера для истории Крыма можно словами французского переводчика сочинения Кларка: «Вообще г-н Хебер показывает в своих заметках столько же аккуратности, сколько и таланта в манере их изложения. Нужно поздравить г-на Кларка с тем, что он имел в своем распоряжении источник столь же драгоценный из-за хороших наблюдений; но досадно, что полный дневник г-на Хебера не опубликован... Автор, человек просвещенный, кажется достойным всякого доверия...» [7, p. 449, note a].

Для перевода избрана VIII глава издания 1830 г., значительную часть которой (но не всю) составляет описание поездки по Крыму. Ограничиться лишь крымским фрагментом я не счел нужным, в частности, из уважения к редактору, которая по каким-то причинам считала именно часть дневников, вошедшую в главу, законченным фрагментом текста. Кроме того, здесь есть небезынтересные сведения по модной сейчас истории казаков.

При переводе использовался метод, которому следовали С.Л. Белявская и А.Л. Бертье-Делагард при переводе труда академика Палласа [20, с. 17-18]. Иначе говоря, дословность в ущерб литературности. Абсолютно точное следование за текстом источника, включая его очевидные ошибки. Минимально необходимый набор примечаний и комментариев. Воспроизведение имен, личных и географических, в том самом виде, что в источнике (за исключением случаев, когда они написаны традиционным для английского языка способом). Такая методика, хотя она и несколько затрудняет чтение, позволяет читателю самому отождествить имена и географические названия, стоящие в тексте Хебера, с принятыми в современной литературе. Здесь возникает некоторая проблема, поскольку Хебер одним дифтонгом *ch* передавал звуки *x* (Charkof, Cherson) и *ч* (Chatyr Dagh). В таких случаях я руководствовался русским звучанием слова. К переводу приложен указатель имен и географических названий со ссылками на страницы оригинального издания и пояснением названий, искаженных в источнике.

Номера страниц оригинального издания указаны в угловых скобках <> перед началом соответствующей части текста. Там же приведены оригинальные колонтитулы. Перенос слов на другую страницу в публикации 1830 г. обозначен двойной косой чертой //. В угловых скобках <> приводятся слова или буквы, отсутствующие в оригинале – там, где такое дополнение кажется совершенно необходимым. Подчеркиванием выделены слова, отсутствующие в английском языке, и переданные автором в транслитерации. Примечания, отмеченные знаком \*, воспроизводятся по изданию

источника (вероятно, их сделала Амелия Хебер при редактировании текста), остальные принадлежат переводчику.

Публикуемый ниже в русском переводе отрывок из путевых заметок Реджинальда Хебера не полон. Как уже говорилось, в издании 1830 г. отсутствует ряд интереснейших фрагментов из дневника будущего епископа. Безусловно, перевод глав III-VII жизнеописания Хебера может представлять существенный интерес для специалистов по истории России начала XIX в. Издание всех этих материалов – вероятно, дело будущего.

В заключение хочу поблагодарить Л.Н. Храпунову (Симферополь) как за мысль заняться этим переводом, так и за многие ценные советы, а также С.Н. Храпунова (Нью-Йорк), без помощи которого мне вряд ли удалось бы получить экземпляр издания 1830 г. Некоторые необходимые материалы попали ко мне благодаря И.С. Мартынюку (Симферополь); при переводе я не раз консультировался с Л.А. Рыжовой (Севастополь) и Г.Р. Мэком (США) – всем им я очень признателен.

**Жизнь Реджинальда Хебера, доктора богословия, лорда-епископа Калькутты. Написана его вдовой. С его избранной перепиской, неопубликованным стихотворениями и личными бумагами; вместе с «Дневником» его поездки в Норвегию, Швецию, Россию, Венгрию и Германию и «Историей казаков». В двух томах.**

\*\*\*

<239>

## ГЛАВА VIII.

### ИЗ ТЧЕРКАСКА В ЛЕОПОЛЬД.

Рыбные промыслы – Азоф – Тчерноймойски казаки – свирепость быка – Екатеринодар – церковь – карантин – циркаасы – Кубань – казачьи укрепления – опасность <со стороны> циркассов – Ттемрук<sup>13</sup> – Тамань – султан Селим Герай – грязевые фонтаны – переезд в Кертч – пеликаны – город Кертч – древности – сарычи<sup>14</sup> – Каффа<sup>15</sup> – развалины – немецкие колонисты – польский еврей-переводчик – Судак – д-р Паллас – вино – Кая – Ламбат – Партенак – Айюу Дагх – сахар из дерева грецкого ореха – Байдарская долина – Актиар – Батчисераи – дворец – Еврейская скала – Акметчет – кибитки ногайских татар –

---

<sup>13</sup> Ошибка редактора. В тексте [1, р. 247] – Темрук (Temrook), форма, более близкая к оригиналу.

<sup>14</sup> Еще одна ошибка редактора. В тексте [1, р. 251] речь идет о bustards – дрофах, а не о buzzards – сарычах.

<sup>15</sup> И еще описка – Kaffa, тогда как в тексте дневника – Caffa.

Перекоп – характер татар – женщины – Берислав – степи – Херсон – могила Говарда – Одесса – герцог де Ришелье – Подолия – евреи – Броды – Леопольд. 1806 г.

### ИЗ ТЧЕРКАСКА В ЛЕОПОЛЬД.

Из Тчеркаска мы отправились на лодке, предоставленной нам аттаманом, в пасхальный понедельник. Ниже города Дон разделяется на три основных и множество меньших потоков, которые занимают Дельту<sup>16</sup>, включающую около трехсот квадратных миль<sup>17</sup>; на всем пространстве нет ничего, кроме топей и трясин, которые во многих местах можно осушить и превратить в хорошую луговую землю. Там, где естественный уклон достаточен для отвода воды, земля казалась превосходной. На таких участках обычно находились маленькие селения казаков, которые живут в основном рыбалкой; рыбаки-калмуки ставят свои шатры в гуще камышей и тины. Они владеют несколькими верблюдами или лошадьми; из первых мы видели только одну самку с детенышем. Они перевозят свои шатры и семьи с места на место на больших лодках, из которых одна оказывается акционерным капиталом нескольких семей. Одна из них прошла мимо нас, и

#### <240: РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ – АЗОФ>

представляла собой любопытнейшую группу. Грязь и зловоние этой страны ужасны; из-за неряшливости и легкомыслия рыбаков вся Дельта, все ее потоки и болота совершенно заражены и отравлены мертвой рыбой. Из непомерного улова рыбы калмуки, поскольку засаливать или сушить ее для продажи дорого, просто отбирает лучшую, и оставляет остаток погибать и гнить на пляже; если же его хижина находится так близко, что запах досаждал ему, а зловоние редко досаждал калмуку, он сгребает мертвую рыбу в реку. После поимки рыбу складывают слоями, перекладывая каждый слой тростником, а лучшую потом отбирают и засаливают. Для этой цели из Крыма ежегодно ввозятся большие объемы соли, поскольку соли, произведенной в казачьей стране, для этой нужды недостаточно. В прошлом году был неурожай соли в Крыму, и, по исключительному совпадению, – большой недостаток рыбы в Доне и Азофском море.

Болота, конечно, можно с легкостью осушить, и, наверное, так и будет, если страна станет когда-нибудь более населена; дальнейшие изменения будут необычными. Одним из последних было бы обширное увеличение пахотных и пастбищных земель; жители должны заплатить за это увеличение сильным сокращением своего рыболовства, поскольку избыток рыбы очевидно вызван широкой протяженностью мелкой воды, обилием укрытий, тени и корма, предоставляемыми камышами, водными овощами и пресмыкающимися, и бесчисленными протоками и гаванями болота. С другой стороны, они найдут гораздо большее преимущество, сделав судоходной свою реку, воды которой сегодня теряются в топях, уменьшив нездоровье своего климата, и, наверное, даже несколько увеличив глубину соседних частей Азофского моря. Город Азоф отстоит от Тчеркаска на шестьдесят верст<sup>18</sup> по воде, и немногим больше по суше; он стоит

<sup>16</sup> Автор, вероятно, понял русское «дельта Дона» как имя собственное.

<sup>17</sup> 777 км<sup>2</sup>.

<sup>18</sup> Автор не уточняет, какую версту он имеет в виду: обычную (1,0668 км) или межевую (2,1336 км), применявшуюся, в частности, для определения расстояния между населенными

на левом берегу южного рукава Дона, где вода не более трех или четырех футов<sup>19</sup> глубиной. Он не многим более, чем совокупность полуразрушенных коттеджей, с развалившимся укреплением, в котором еще виднеются батареи, названные в честь Петра, Меньшикова<sup>20</sup> и т.п., и которое имеет гарнизон из полка в два батальона, каждый из которых должен состоять из 640 человек. Этот полк – один из

<241: ТЧЕРНОЙМОЙСКИ КАЗАКИ>

многих, предназначенных исключительно для гарнизонов, состоящих частично из инвалидов и частично из юношей, обученных и сформированных в солдаты. В каждой роте – сто шестьдесят человек. Некоторые полковые офицеры хорошо говорят по-французски и по-немецки, особенно старый бригадир, фон Шварценберг, у которого есть жена и семейство дочерей, и который очень гостеприимно дал в нашу честь обед, на котором и после мы видели, полагаю, большую часть общества Азофа и окрестностей; она была более многочисленной и более представительной, чем я должен был предполагать. Бригадир с нетерпением и большим удовольствием предвкушал, что проведет остаток своей жизни в веселых и приятных кругах Харкофа, куда он вскоре предполагал поехать. В зелени перед его домом было несколько качелей – подвесные кресла и простые сиденья, постоянное развлечение русских, которые в это время года были в движении круглый день. Окружность крепости значительная, постройки велики и дороги, но позиция не очень сильная. В городе была новая, почти завершенная церковь, построенная частично за счет императора.

Мы покинули Азоф вечером 15го апреля, и путешествовали днем и ночью через азиатские владения донских казаков. Эти владения целиком состоят из степей, но более плодородных, чем европейские, покрытых отличной травой и огромными стадами скота: мы видели очень немногих жителей. Эта страна болотиста и обильна лягушками, дикими утками и гусями.

16 го мы повстречали нескольких драгун, которых послали закупать боевых коней на Кубань, где, как считается, лошади очень хороши. Они рассказали нам, что обычная цена на отличную лошадь – сорок рублей. К сумеркам мы проехали мимо камышовой хижины, с шестью длинными пиками, воткнутыми в землю перед ней, охраняемой стражем в овечьей шкуре, вооруженным ржавым карабином. Гать и топь, которым он служил защитником, были границами тчерноймойских казаков. По происхождению эти люди были дезертирами и бродягами из всех народов, которые нашли убежище на болотистых островах Днепра. При основании Херсона они были изгнаны из своих домов и нашли приют в устье Дуная, все еще сохраняя за собой репутацию рыбаков и

<242: ТЧЕРНОЙМОЙСКИ КАЗАКИ>

пиратов. <Когда> Потемкин предложил им жалованье и земли, они вернулись на сторону России, и оказали <ей> огромную услугу во второй турецкой войне<sup>21</sup>. В награду они получили страну, недавно отвоёванную у кубанских татар. Они владеют своими земля-

---

пунктами. Однако из приведенного на стр. 243 указания, что шестьдесят верст равны сорока милям, ясно, что речь идет об обычных верстах. В таком случае 60 верст = 64,008 км.

<sup>19</sup> 0,9144 или 1,2176 м.

<sup>20</sup> Т.е. А.Д. Меньшикова (1673-1729 гг.).

<sup>21</sup> В 1774 г. Запорожская сечь была упразднена, часть казаков переселили на Кубань, другие бежали в Османскую империю, где основали Новую сечь. Последняя ликвидирована

ми на тех же правах, что и донские казаки, и пользуются почти теми же привилегиями, но гораздо беднее и более нецивилизованны, и никогда не покидают своих домов, где, конечно, у них достаточно работы. Они не получают платы, за исключением пайка ржи, и одеваются за свой собственный счет, и в любую форму по своему выбору, без какой-либо заботы о единообразии. Офицеры большей частью носят красные сапоги, которые являются их единственным отличием. Они в основном занимаются скотом и выменивают у циркассов зерно на соль. Язык, который они используют, – испорченный русский, в большой степени смешанный с турецким; и они не позволяют своим вождям использовать любой другой, по крайней мере, при разговоре на людях, или при обращении к ним. Они претендуют на право (или, по крайней мере, им пользуются) принимать всякого нового члена в свое общество, что до недавних пор использовали для нужд частых вербовок. Многие рабы<sup>22</sup>, которым удалось убежать от своих хозяев, приняты этими людьми, и <нашли у них> защиту. В Крыму почти невозможно держать раба, ведь у них есть так много возможностей для бегства. Запорогцев, как их называли изначально, отличают по длинному локону волос, который свешивается им на лицо, и обычно заправлен за ухо; остальная часть волос очень коротко острижена. Это красивая, дородная раса людей. Подобно всем соседним народам, они много пользуются плащами из прочного войлока, который можно погрузить в воду, не промочив. Их оружие – карабин, подвешенный через правое плечо, пика длиной десять футов<sup>23</sup>, которой они управляют с помощью ремешка, обвитого вокруг правой руки и кисти, и иногда турецкие или циркассские сабли, пистолеты и *roignards*<sup>24</sup>. Обычно их называют «ворами»; мы, однако, нашли, что они очень честны там, где затрагивается вопрос об их чести, очень добродушны, и, по их незначительным средствам, гостеприимны.

Переправляясь через гать, где располагался страж, мы видели примечательный случай свирепости быка, принадлежавшего к упряжке, которая переправлялась одновременно с нами; бе//з

#### <243: СВИРЕПОСТЬ БЫКА – ЕКАТЕРИНОДАР>

какой-либо видимой причины он напал на человека, который им правил, сбросил его и топтался по нему; и, если бы это не происходило на мягкой грязи, то, вероятно, убил бы его.

Скот здесь больше и лучше, чем где-либо в России. Здесь нет овец, даже азиатской породы. Казачьи лошади – те, которых в Англии называли бы «good galloways»<sup>25</sup>; их хозяйева весьма превозносят их скорость и крепость. Согласно их рассказам, достаточно хорошая лошадь пройдет шестьдесят верст, или сорок миль<sup>26</sup>, на полной скорости без остановок. Они редко красивы. Все калмукские лошади отличаются отрезанными ушами.

17 апреля, около семи утра, мы прибыли в Екатеринодар, большое селение

---

в 1783 г., многие казаки переведены на Тамань и в Прикубанье. В 1792 г. Екатерина II даровала им привилегии [ср. рассказ Палласа: 26, с. 141-142].

<sup>22</sup> «Рабами» (slaves) автор называет крепостных.

<sup>23</sup> 3,048 м.

<sup>24</sup> Кинжалы, ятаганы, кортики (франц.).

<sup>25</sup> Хорошие пони (от области Галловей в юго-западной части Шотландии, где разводили эту породу лошадей).

<sup>26</sup> 60 верст = 64,008 км, 40 миль = 64,36 км.

со многими садами и деревьями, и крепость, построенную в манере той страны, окруженную только земляным бруствером, снабженным крепкой и высокой оградой и восемью малыми пушками. Вход – через обычные ворота из шести перекладин<sup>27</sup>. Внутри есть несколько земляных хижин для казаков, <находившихся> на карауле, и большая деревянная церковь, которая, из-за ее просторности и манеры, в которой она сооружена, делает большую честь этим бедным казакам, за чей счет она полностью содержится. Когда мы там были, она была не до конца завершена. Лес, из которого она построена – в основном, дуб, поступающий из Воронежа. Он, должно быть, очень дорог. Я забыл сумму, которую они называли, но она потрясла меня своей величиной. В церкви есть несколько дорогих украшений, здесь также хранятся и их знамена, как и серебряные литавры, подаренные им Екатериной. Священник говорил по-латыни и казался разумным человеком. После осмотра церкви мы пошли на карантин, единственное место, где циркассам позволено иметь какие-либо сношения с российскими подданными. Он находится на берегу реки примерно в версте<sup>28</sup> от города. По пути мы миновали другое земляное укрепление, и узнали, что кордон продолжается вдоль всей границы; на этой службе одновременно занято пять тысяч человек. Общее число казаков в Екатеринодаре – 25 000 человек.

М<есье> Константиноф, управляющий карантинном, был русским, очень чутким человеком, и хорошо знал циркассские нравы. Они делятся на много мелких племен под <244: КАРАНТИН – ЦИРКАССЫ>

<властью> соответствующих князей, которые принимают титул султана и добавляют к своему имени «Герай», в знак претензии на то, что они – потомки Зингис Хана<sup>29</sup>. Их страна – приятна и населена весьма, а их поля хорошо обработаны; села очень напоминают казачьи, будучи построены из грязи и камышей. Они привозят дерево, просо, рожь, ячмень и немного пшеницы на карантин, чтобы обменять у казаков на соль, уплачивая две меры проса за одну соли. Те, кого мы видели, были очень оборваны и бедны; все они были не вооружены, оставив свое оружие на своей стороне реки; только вожди сохранили привилегию приходить на назначенное место вооруженными. Их женщин тщательно скрывают, а их мужья очень ревнивы. В раннем возрасте девушки носят тесный и широкий кожаный кушак, зашитый вокруг талии, который сохраняется, пока растущий <организм> не разорвет его и его не заменят другим. Этот процесс делает их талии очень узкими, но чрезвычайно вреден для их здоровья. Как я понял, они красивы, но не очень.

Религия циркассов – смесь христианства, язычества и ислама. Многие из племен недавно разрушили свои мечети и показали сильное расположение к восприятию христианства. Они весьма почитают крест. Вырезанный на одной из колод крест является не малой защитой от кражи для груды бревен.

В позапрошлом<sup>30</sup> году циркасссы совершили набег, в <котором участвовало> более 5 000 человек, и при Екатеринодаре произошло сражение; но они сильно сократились в числе от того, чем они некогда были, и каждый год идут на убыль. Их султаны одни имеют привилегию носить луки; другие всадники вооружены карабинами, пистолетами,

<sup>27</sup> Т.е. похожие на ворота не крепости, а обычной фермы или загона.

<sup>28</sup> 1,0668 км.

<sup>29</sup> Т.е. Чингисхана.

<sup>30</sup> Т.е. 1804 г.

саблями и маленькими пиками; и все, кто может себе позволить, имеют кольчуги. Их импортируют главным образом из Персии, или иногда из Константинополя; другое оружие или привозят из Константинополя («Сфетиградом» называют его русские), или делают сами. Их сабли и poignards<sup>31</sup> – замечательной закалки. Пешие солдаты вооружены главным образом длинными турецкими ружьями, которые используют с упорами. Циркаские лошади очень знамениты; и, подобно всем остальным <лошадям> в этих странах, они имеют способность самопроизвольно выделять кровь, когда переполняются ею. Мы узнали об этих особенностях

#### <245: КУБАНЬ – КАЗАЧЬИ УКРЕПЛЕНИЯ>

частью от м<есье> Константинофа, частью от разных казаков. Г-н Смит, американец, которого мы встретили в Москве<sup>32</sup>, рассказал нам, что некоторые из циркаских племен оказывают божественные почести кошке; однако, никто из казаков никогда не слышал об этом. Г-н Смит был в Екатеринодаре с герцогом де Ришелье<sup>33</sup>, а затем проследовал в Грузию.

Кубань – грязная и не очень значительная река; ее берега – земляные, высокие и крутые. Страна на циркаской стороне поднимается амфитеатром прекрасных лесов и пологих холмов к хребтам Кавказа, которые в этой части не очень гигантские. Лодки циркасов, которые мы видели на реке, были маленькими челноками, выдолбленными, как все <лодки> в этой стране, из отдельных деревьев.

Уезжая из Екатеринодара, Торнтон<sup>34</sup> потерял свое ружье, и обратился к начальнику полиции, хотя имел очень мало надежд на его возвращение. Он даже просил, чтобы его отдали, если обнаружат, молодому офицеру, который показался нам очень любезным. Однако, к нашему большому удивлению, когда мы прибыли в Тамань, нам привезли ружье. Вслед за нами был отправлен посыльный, который проехал весь путь от Екатеринодара, чтобы вернуть ружье владельцу; человек, которому было поручено доставить его, отказался принять какое-либо вознаграждение за свой труд.

Мы отправились около семи вечера 17го апреля, в сопровождении сержанта и шести казаков, которые сменялись на каждой остановке. Здесь есть кордон из таких же укреплений, как описанное выше, построенных в пяти или шести верстах друг от друга, и соединенных дозорными постами на расстоянии видимости друг от друга. Дозорный пост сделан из трех шестов, связанных наверху и оплетенных прутьями, как воронье гнездо, в котором помещается страж для слежения за циркасами на другой стороне реки; другой страж остается внизу, верхом и держа лошадь для своего товарища в гнезде, так что в случае тревоги они могут немедленно скрыться. Почва в этой части страны чересчур плодородна, трава вырастает до невероятной высоты. Граф де Рошфор<sup>35</sup>

<sup>31</sup> См. прим. 24.

<sup>32</sup> В издании 1830 г. других известий об этой встрече не сохранилось.

<sup>33</sup> Арман-Эмануэль Дюплесси «дюк» де Ришелье (1766-1822 гг.) – государственный деятель в России и Франции, во время путешествия Хебера – губернатор города Одессы и генерал-губернатор Новороссийского края [см., напр.: 31, с. 33-49]. Любопытно, что Хебер пишет герцогский титул Ришелье на французский манер – Duc.

<sup>34</sup> Джон Торнтон был не только спутником, но и близким другом Хебера. Не случайно Амелия Хебер начинает жизнеописание своего мужа с обращения к Торнтону [1, р. iv].

<sup>35</sup> Как и в случае с герцогом де Ришелье (о нем см. прим. 33), Хебер пишет титул Рошфора

говорил, что он видел чертополохи высотой с человека верхом на лошади. Ночью был дан сигнал тревоги, что семьдесят всадников собрались на циркасской стороне реки, и <246: ОПАСНОСТЬ СО СТОРОНЫ ЦИРКАССОВ> угрожали нам нападением. Однако, больше мы о них не слышали.

18го мы продолжили путешествие через плодородную, но болотистую страну, изобиловавшую оленями и дичью всякого рода. Среди птиц мы рассмотрели фазанов, огромное количество пеликанов, журавлей и лебедей. Эта часть нашего пути считалась более опасной, чем любая другая, как из-за природы этой страны, бывшей совершенно дикой, заросшей низким болотными лесом и высокими тростниками, так и благодаря тому, что ее очень часто посещают циркассы с целью рубить тростник. Каждый, кого мы встретили, имел с собой оружие; а офицер в Екатеринодаре приказал усилить нас тремя казаками. Мы переправились на пароме через реку Аз<sup>36</sup>, которая впадает в Кубань; на противоположной стороне находилось укрепление под командой старого казачьего сержанта, который был очень любезен. Здесь мы позавтракали. Около трех часов мы прибыли в другую крепость, где у нас было приключение с беглым циркаским князем<sup>37</sup>. С этого поста у нас была очень веселая охрана – они носились вокруг нас, как дикари, вопя, улюлюкая и паля в воздух из своего оружия. Торнтон показал им венгерское упражнение с палашом. Они попытались доказать превосходство своих копий, но были очевидно не способны эффективно защищаться. Ночью мы поужинали с большой партией казаков <, бывших здесь> на рыбалке, в одной из их подземных хижин<sup>38</sup>; в центре помещения разложили огонь, вокруг которого они расселись по-турецки, составив самую живописную и веселую группу. Сначала мы хотели оставить охрану с повозкой, но они заверили нас, что наша собственность находится в безопас-

---

по-французски – Comte. В другом месте Хебер называет графов де Рошфор племянниками Ришелье [1, р. 309]. Возможно, речь идет о графе Рошешуаре (Rochechouart), родственнике Ришелье, который по поручению последнего занимался переселением запорожских казаков на Кубань и обустройством их там [см.: 31, с. 46; 32; 33].

<sup>36</sup> Автор имеет в виду, по-видимому, реку Ея, которая впадает не в Кубань, а в Ейский лиман Таганрогского залива Азовского моря. Может быть, ошибка вызвана тем, что в Шотландии есть река Аз.

<sup>37</sup> См. стр. 238.

<sup>38</sup> «Когда мы остановились в маленьком земляном укреплении в самой дикой части границы, чтобы сменить наших лошадей и эскорт, нам рассказали, что некий циркацкий князь только что переплыл // через Кубань, и прибыл, чтобы получить убежище в укреплении, упорно теснимый победившим врагом. Он был высок и худ, как большинство циркассов, с мрачным выражением лица; у него были сильные и мускулистые, хотя и очень тонкие члены; одежда его была скромной, а свое оружие он потерял в реке. Он был влюблен, говорил он, в девушку, родственники которой запросили за нее цену в тысячу рублей, сумму, которую он не мог заплатить. Не способный, однако, жить без нее, он похитил ее из дома вооруженной силой, и убил четырех слуг ее отца, которые попытались сопротивляться ему. Ему, однако же, отрезали пути отступления в собственную крепость; его спутников предали мечу, а его возлюбленную взяли назад. Девушка будет, говорил он (и горько рыдал, когда рассказывал об этом) продана туркам и потеряна для него навсегда» [1, р. 237-238].

<sup>38</sup> По всей видимости, речь идет о землянке.

ности, поскольку здесь не было никого, кроме запорожцев; и они полностью сдержали свое слово. Они сильно жаловались на свою бедность и на запрет на любые набеги на циркассов, которых, как они говорили, в противном случае они давно бы истребили. Они сильно превозносили свою страну за ее приятность и огромное население.

*Апреля 19е.* – Мы продолжили наш путь через полосу ужасной страны, сплошных болот, поросших высокими тростниками, в которых повозка часто погружалась так глубоко, что для того, чтобы ее вытащить, были *пона//добились*

<247: ТАМАНЬ>

четыре быка. Я сам совершенно промок в болотине, куда моя лошадь погрузилась до холки. На небольшой станции, называвшейся Темрук, мы позавтракали хлебом и «водкой»: пока мы этим занимались в кабаке, вошли два молдаванина; и, как раз когда мы уходили, <к нам> подошел моряк, очень любезно предложив нам немного раков, которых он сварил для собственного завтрака. Он оказался французом, нанятым итальянским купцом в Тамани засаливать рыбу. Он был в Англии и немного говорил по-английски. Проехав шесть верст<sup>39</sup> далее через бесконечное болото, мы въехали на остров, называющийся Тамань; он обособлен от материка большим соленым озером, которое отделяют от Азофского моря с одной стороны и от Эвксина с другой лишь узкие косы земли, почти непроходимые из-за болот. Та, что на южной стороне, думаю, действительно такова; другую раньше защищала турецкая крепость, ныне <лежащая> в развалинах.

Тамань, или, как она сейчас называется возрожденным именем, Фанагория, – маленький и бедный городок, расположенный на южном берегу глубокого залива, ответвляющегося от Босфора. Отсюда хорошо видно противоположное кертченское побережье, и город, и крепость Еникале. Залив слишком мелкий для любых <судов> кроме шаланд; средняя его глубина – четыре или пять футов<sup>40</sup> воды. Здесь есть крепость,<sup>41</sup> с русским гарнизоном, на который казаки сильно жаловались как на бесчестных воров. Каждую ночь нашу повозку охранял казачий страж со своей пикой. Церковь – маленькая и бедная, но вмещает несколько древних фрагментов, остатки древнегреческой колонии. Среди них вотивная плитка –  $\iota\sigma\chi\upsilon\rho\omega\iota\ \theta\epsilon\omega\iota\ \text{Αστάρλια και Αστράλεοντι}$ <sup>42</sup>. Кто эти  $\Gamma\rho\iota\beta\alpha\lambda\lambda\omega\iota\ \theta\epsilon\omega\iota$ <sup>43</sup>? Здесь также есть очень знаменитый камень со славянской надписью<sup>44</sup>, о которой граф Алексис Моуссин Поушкин написал диссертацию<sup>45</sup>. Надпись

<sup>39</sup> 6,0408 км.

<sup>40</sup> 1,2192 или 1,524 м.

<sup>41</sup> Видимо, речь идет о крепости Фанагория, построенной в 1794 г. в двух километрах к востоку от Тамани инженерами И.И.Князевым и Ф. де Воланом.

<sup>42</sup> «Грозным богам Астарлие и Астралеонту» (*др.-греч.*). Что это за надпись, не вполне понятно. Во всяком случае, обнаружить такую среди опубликованных боспорских будет не просто. Может быть, речь идет о постаменте статуи (а не о плитке) второй половины IV в. до н. э. с посвящением от имени царицы Комосарии [34, № 1015] – в длинном тексте этого памятника есть более или менее близкий фрагмент:  $\dots\iota\sigma\chi\upsilon\rho\omega\iota\ \theta\epsilon\omega\iota\ \Sigma\alpha\nu\acute{\epsilon}\rho\gamma\epsilon\iota\ \kappa\alpha\iota\ \text{Αστάραι}\ \acute{\alpha}\rho\chi\omega\nu\tau\omega[\dots$  (...грозному богу Санергу и Астаре (при) архонте...). Упомянутые божества восточного происхождения – Санерг соответствует малоазийскому Сандону, греческому Гераклу, а Астара – вавилонской Иштар, греческой Афродите [35, с. 202].

<sup>43</sup> Племенные боги (*др.-греч.*).

<sup>44</sup> Камень этот многократно перевозили с места на место. В частности, 1793 г. Паллас

утверждает, что в 1065 году князь Глеб, тогдашний вождь русских<sup>46</sup>, велел измерить Босфор, пока он замерз, от Кертчи до Тмутаракани<sup>47</sup>; и расстояние было тридцать шесть верст<sup>48</sup>. Это интересно россиянам, поскольку обнаруживает место их древней столицы, о котором до того много спорили<sup>49</sup>. Название в «Итинерарии» Феодосия – Тамартака<sup>50</sup>. «Тмутаракань» означает буквально «swarm of beetles»<sup>51</sup>. Мы повстречали очень здравомыслящего

<248: ТАМАНЬ – СУЛТАН СЕЛИМ ГЕРАИ>

и воспитанного священника, тестя казака, у которого мы остановились. При нашем отъезде он пожелал, чтобы мы подписали бумагу, предназначенную для инспекции <со стороны> его епископа, утверждающую, что он обходился с нами воспитанно и гостеприимно. Его дом был обставлен очень опрятно, с несколькими плохими религиозными

---

видел его в специальном домике, выстроенном по повелению Екатерины к югу от города, на морском берегу [26, с. 130; ср.: 30, р. 182-183]. В 1800 г. памятник находился «вблизи ворот Таманского кладбища» [ба, р. 81; 7, р. 236], а в 1803 г. – уже в церкви в крепости Фанагория (где, как видим, три года спустя его и осматривал Хебер), откуда, транзитом через Керченский музей, он попал в коллекцию Эрмитажа [см. подробно в: 36, с. 7].

<sup>45</sup> На самом деле, это не диссертация, а первая публикация и первое исследование источника [37, с. 55-63]. Ошибка, видимо, вызвана тем, что Хебер этого сочинения не читал, лишь слышал о нем. Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744-1817 гг.) – граф, тайный советник, президент Академии художеств, член Академии наук, археолог и историк.

<sup>46</sup> Князь Глеб Святославич (?-1078), сын черниговского князя Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого. Княжил в Новгороде и Тмутаракани.

<sup>47</sup> Тмутаракань – древнерусский город на Таманском полуострове, у современной станицы Таманской, центр одноименного княжества (со второй половины X в.). Находился на месте античного города Горгиппии и хазарской Таматархи. В XII в. Тмутаракань теряет связь с Русью в связи с усилением половцев. Ср. прим 49 ниже.

<sup>48</sup> Автор неправильно переводит годы «от сотворения мира» в цифры по нашему летосчислению, а также пересчитывает сажени, о которых говорит надпись, в версты. Основой для неверных подсчетов послужило, конечно, сочинение Палласа, которое утверждает, что 6576 г. от сотворения мира = 1065 г. н.э., и говорит о расстоянии в 30 054 сажени [26, с. 130]. Непонятно, сколько сажений, по расчету Хебера, должно быть в версте, и что это за сажени. На самом же деле речь идет о 1068 г. н.э., а расстояние правильно читать как 14 000 («мерных») сажений, т.е. 24 696 м, что соответствует расстоянию от Тмутаракани до Керчи [36, с. 9, 44-45].

<sup>49</sup> Неточное выражение – видимо, автор имел в виду столицу удельного Тмутараканского княжества. Ср. слова Палласа: «Надпись... тем более замечательна, что не оставляет сомнения в том, что Тамань есть древняя Тмутаракань, в которой пребывали князья из рода удельных русских...» [26, с. 130].

<sup>50</sup> Итинерарий – жанр в христианской литературе, своего рода путеводитель для паломников. Неясно, какой именно источник имеет в виду автор. В известном сочинении священника Феодосия «О местоположении святой земли» (*De situ Terrae Sanctae*), датирующемся временем около 525 г., Тмутаракань не упоминается [см: 38].

<sup>51</sup> «Рой жуков». Здесь автор передает народную русскую этимологию топонима. На самом деле это название происходит, вероятно, от тюркского *Tamantargan*, образованного от титулов *taman* и *targan* [39, с. 65-66; 40, с. 157, прим. 3]. Этот большой средневековый город находился на месте античной Гермонассы, на Таманском полуострове, у современной станицы Тамань (о результатах археологического исследования памятника см.: [41, с. 171-179]).

гравюрами, большой Библией и сборником проповедей. Он не говорил ни на одном языке, кроме русского. Самая обычная гравюра, во всей этой части мира, – странное изображение горы Афон с надписью на итальянском, латинском, греческом и славянском языках. Ее считают равносильной святому в любой комнате или церкви, особенно если она предназначена  $\epsilon\iota\ \theta\epsilon\omicron\upsilon\ \delta\omicron\zeta\alpha\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\eta\ \text{Ανατολική}\ \omicron\rho\theta\omicron\delta\omicron\zeta\iota\alpha$ <sup>52</sup>. Это – почти единственная гравюра, которую обыкновенно можно увидеть в русских домах, исключая необычайную карту России, которую мы видели на почтовой станции в трех перегонах от Москвы, на Троицкой дороге<sup>53</sup>. Правда, в Тчеркаске мы видели гравюру с двумя людьми, говорившими о глобусе, и ниже – долгой беседой между «Mushik» и «Профессор».

Торговля Тамани, какой бы плохой она ни была, заключается в соли и рыбе. В этом месте был один итальянский торговец, бывший, однако, просто своего рода суперкарга<sup>54</sup>, нанятым торговой фирмой в Каффе. Среди казаков его считали греком, и <он> был очень воспитанным человеком, который не получит никакого вознаграждения за свою вежливость. Лавки в городе не выдерживают никакого сравнения с самой плохо оборудованной палаткой на английской ярмарке.

Примерно в пятнадцати верстах<sup>55</sup> от Тамани есть маленькая колония циркассов, которые, вместе со своим вождем, переехали несколько лет тому назад, числом до пяти сотен душ. Их вождь, султан Селим Герай, прекрасный молодой человек двадцати пяти лет, нанес нам визит в Тамани, в сопровождении шести спутников; одного из этих людей казаки называли «полковником». Полагаю, они имели в виду аттамана, или сельского вождя. У султана были лук и стрелы; он пустил одну в воздух, но мы не смогли убедить его прицелиться в какой-либо конкретный объект; подозреваю, потому что он был не очень искусен. Он заявил, что ни один циркасс не сможет сбить гуся, которого мы ему указали, хотя тот был на очень умеренном расстоянии. Он и весь его отряд были в туфлях без пяток и длинных облегающих панталонах; полковник носил красную куртку поверх прекрасной кольчуги. Их облик, так же, как и всех остальных виденных мной циркассов, был точно таким же, как и у турков и татар. Мы не

#### <249: ГРЯЗЕВЫЕ ФОНТАНЫ>

смогли узнать причину, по которой он покинул свою страну; к тому же, не было никакой уверенности во всей информация, которую мы от него получили, из-за необходимости двойного перевода. Мы смогли лишь узнать, что он бежал, будучи в страхе за свою жизнь. Торнтон получил от вождя нагайку, которую он увез как память; эти нагайки сплетены из ремней; плеть трехгранная, чересчур острая, и тяжелая; поскольку удар такого грозного оружия изувечил бы лошадь, они прикрепляют к концу <нагайки> полоску кожи, которой они мягко прикасаются к животному, когда хотят, чтобы оно пошло быстрее.

<sup>52</sup> «В славу божию и восточного православия» (греч.) [первую часть фразы ср.: Филип. 1:11].

<sup>53</sup> По этой дороге Хебер приехал в Москву из Петербурга. Троицкий тракт вел из Москвы в Троице-Сергиеву лавру и далее на север – через Владимир до Архангельска. Существовал с XIV в. и начинался у Крестовской заставы в Мещанской слободе. С 1671 г. из части Троицкого тракта устроена 1-я Мещанская улица, современный проспект Мира (с 1957 г.). На Крестовской (Рижской) заставе был построен Рижский вокзал (1899 г.).

<sup>54</sup> Чиновник на торговом судне, отвечающий за груз и деловую сторону плавания.

<sup>55</sup> 16,002 км.

20 го мы поехали верхом с нашим казачьим хозяином посмотреть грязевые фонтаны, упомянутые Палласом<sup>56</sup>. Первое же, что нам показали, была круглая площадка, напоминающая кратер маленького вулкана. В центре была куча камней, которая, вместе с окружающей грязью, оказалась насыщена серой. В одном месте был бассейн с водой, без какого-то определенного вкуса. На расстоянии около пяти сотен ярдов<sup>57</sup> был другой круг, но гораздо меньший, весь из мягкой грязи; а в центре была небольшая дыра, откуда медленно поднималась пузырями тошнотворная черная жидкость, подобная трюмной воде. Если наступить на любой участок грязи, из раны выжималось больше вещества; все вместе имело вид одной обширной язвы. Мы воткнули свои трости в грязь, но не нашли дна; когда их вынимали, жидкость того же рода потекла через проделанные ими отверстия. Здесь был другой <грязевой фонтан>, точно такой же, на небольшом расстоянии; и совсем рядом с этим последним – колодец воды, пузырящейся и напоминающий по вкусу и запаху воду из Хэррогэйта<sup>58</sup>. Паллас вообразил, что эти <грязевые фонтаны> имеют некоторую связь с удивительным островом, который, со страшным шумом, внезапно возник над морем возле Темрука, выбрасывая грязь и камни, за которыми последовало извержение огня и дыма, и впоследствии снова затонул, и не оставил и следа на том месте<sup>59</sup>. Мы много слышали об окаменелостях, которые можно было встретить на берегу Черного моря. Достойный священник показал нам зуб гиганта, который он там нашел, рассчитанный на человека, по крайней мере, пятидесяти футов<sup>60</sup> высотой; череп целиком, говорил он, был отправлен в Петербург. Мы нашли на холме, где находился грязевой фонтан, несколько предметов, похожих на полукальцинированные кости. Во время этой экспедиции мы подняли четырех зайцев, за которыми погнались

<250: ПЕРЕЕЗД В КЕРТЧ – ПЕЛИКАНЫ>

сибирские борзые священника, но убили лишь одного. Мы были сильно потрясены уверенным ходом наших лошадей, которые с большой легкостью спустились по нескольким очень сложным местам.

22 го апреля мы нашли, что мы исчерпали все достопримечательности Тамани, и решили проследовать прямо в Кертч, и дожидаться нашу повозку в Каффе. Нас заставило предпринять этот шаг понимание того, что Еникале<sup>61</sup> не представляет ничего примечательного ни в плане древностей, ни расположения, и наше желание уделить Каффе как можно больше времени. Паром регулярного сообщения находился тогда в Ени-

---

<sup>56</sup> [26, с. 137-141].

<sup>57</sup> 457,2 м.

<sup>58</sup> Город в Англии к северу от Лидса, известный курорт с источниками лечебных минеральных вод.

<sup>59</sup> [26, с. 135-136]. Остров образовался в результате извержения 5 сентября 1799 г., а на следующий год исчез, не то размытый волнами, не то сам погрузившись в море.

<sup>60</sup> 15,24 м.

<sup>61</sup> Крепость на северо-восточной окраине современной Керчи, напротив самой узкой части пролива. Построена в самом начале XVIII в. турками по проекту французских инженеров для того, чтобы иметь возможность блокирования русского флота в Азовском море. Во время первой русско-турецкой войны захвачена русскими войсками (1771 г.), а по мирному договору 1774 г. вошла в состав России. После присоединения Крыма к России утрачивает свое значение [42, с. 51-60; 69].

кале, а ветер дул в прямо противоположном направлении. Наша повозка должна была дожидаться этой лодки; мы сами нашли рыбацью лодку из ближайшего к Кертчи места. Из Фанагории до этого места считается двенадцать верст<sup>62</sup>; это длинная узкая полоса земли, вероятно недавнего образования, отмеченная на карте Гатри<sup>63</sup> как остров<sup>64</sup>. Даже там, где она заканчивается, есть песчаный гребень, протянувшийся, словно барьер, через почти половину Босфора, и едва покрытый водой, который, скорее всего, со временем полностью заблокирует навигацию<sup>65</sup>. Везде в проливе видно огромное количество морских птиц. Над нашими головами прошла большая стая пеликанов, <летевшая> в правильном порядке, похоже на стаю диких гусей. Панорама совершенно голая и пустынная; с одной стороны – обнаженные холмы и длинные песчаные Коссы<sup>66</sup> Тамани; а с другой – унылый и скалистый берег, без зелени или населения: а бедные рыбаки, сидевшие у нас на веслах, были самой подходящей группой для такой сцены. От Коссы, с которой мы отплыли, до Кертчи считают двенадцать верст. Прямо напротив есть круглый мелкий залив, где была хижина, в которой иногда спали рыбаки<sup>67</sup>. За северной частью этого залива открывается гораздо больший, где немногие бедные дома, маленькая церковь<sup>68</sup> и причал на сваях указывают на Кертч. Самый заметный объект – конический зеленый холм, полностью или частично искусственный, на вершине которого есть сиденье и флагшток. Принимавший нас здесь русский офицер предполагал, что он был построен в честь Митридата или кого-то из членов его семьи<sup>69</sup>. Побережье очень пологое и мелкое; и у нас была огромная сложность с тем, чтобы причалить нашу лодку на разумном расстоянии от берега. Комендант Кертчи, по рождению грузин, рассказал нам, что разработано много планов <по созданию> гавани и карантина в этом <251: ГОРОД КЕРТЧ – ДРОФЫ>

месте; но существующий в настоящее время проект превращения Каффы в центр торговли, вероятно, не даст им осуществиться. Сразу после высадки к нам обратился

<sup>62</sup> 12,8016 км.

<sup>63</sup> Об этой путешественнице см. прим. 10.

<sup>64</sup> [30, map to p. 192 (карта-вклейка)]. Имеется в виду Южная коса, самое удобное, по словам Палласа, место для переправы через пролив [26, с. 125].

<sup>65</sup> Речь идет об известной косе Тузла (продолжении Южной), периодически превращающейся в остров или острова, как то было, например, за 12 лет до Хебера [26, с. 125].

<sup>66</sup> Хебер воспринял русское «коса» (идущая от берега длинная и узкая полоса земли) как имя собственное (Kossa).

<sup>67</sup> Старый Карантин (Ампелака).

<sup>68</sup> Иоанна Предтечи, которую построили, вероятно, в IX-X вв. [41, с. 68-73].

<sup>69</sup> Митридат VI Евпатор (132?–63 до н.э.) – правитель Понтийского царства, подчинивший скифов, Боспор и другие государства в Причерноморье. Потерпев поражение в борьбе с Римом, бежал в Пантикапей (современная Керчь), где покончил с собой. Упомянутый холм с «сиденьем» – это, очевидно, современная гора Митридат, которая находится в центре Керчи. На ее вершине имеются естественные выходы известняка, напоминавшие кресло, на которые указывали как на легендарный трон понтийского царя – это была местная достопримечательность [43, с. 161-162; 44, с. 279]. Вот, например, что пишет «Путеводитель» К. Монтандона: «На ее <горы Митридат> вершине есть отесанная скала, которую называют «сиденьем Митридата» [45, р. 264; ср. русский перевод: 46, с. 98]. Под членами семьи

русский священник с приветствием: «Χριστός ἀνέστη»<sup>70</sup>. Раньше мы заметили, что в тот сезон казаки обычно приветствовали иностранцев по-гречески.

Город Керчч очень мал и беден; он населен главным образом евреями. На базаре есть один сносный часовщик и две лавки, в которых мы видели известное количество английских хлопковых изделий. Окрестная страна полностью лишена деревьев, а дрова привозят сюда из окрестностей Эски Крима на расстоянии, наверное, 120 верст<sup>71</sup>. Здесь есть крупная крепость с гарнизоном из подполковника, майора и четырех рот легкой пехоты. Эти люди отличались тем, что не носили сабель, как то делает большинство русских солдат; унтер-офицеры имели при себе ружья. Я сделал несколько рисунков и памятных записок о древностях, которые потерял, но которые по существу никак не отличались от сведений, опубликованных Палласом<sup>72</sup>. Наиболее интересные находятся в стене церкви<sup>73</sup>. Возможно, стоит упомянуть, как показатель национального характера, что русский майор, который согласился обеспечить нас лошадьми и открытой кибиткой до Каффы, настаивал на столь ростовщических условиях, что другие офицеры назвали это «позором»; и что тот же человек позже вымогал у слуги Торнтонна некоторые дополнительные подарки. Казак счел бы такое поведение недостойным.

Мы покинули Керчч 23го. Отсюда дорога петляет среди болотистых и необрабатываемых саванн, имея, как правило, гряду низких холмов к югу, и Азофское море на некотором расстоянии к северу. Эти равнины покрыты бесконечным множеством дроф, журавлей и аистов. После высадки в Европе<sup>74</sup> я больше не видел пеликанов. Я никогда не видел английскую дрофу; но крымские оказались более крупными птицами, чем обычно показано на гравюрах. В этой части страны есть много развалин и других следов древнего населения; мы проехали мимо двух или трех маленьких, но крепких и хорошо построенных мостов через речушки, которые оказались <продуктом> магометанским ремесла; и здесь было несколько могил, отмеченных тюрбанами<sup>75</sup>. Число курганов возле Керччи удивительно.

#### <252: КАФФА – РАЗВАЛИНЫ>

Мы проехали два еще существующих селения и вдруг узнали гротескные одежды скотоводов-ногаев, описанные Палласом<sup>76</sup>. Вечером, через некоторое время после

---

Митридата Хебер мог подразумевать его потомков, которые впоследствии вновь оказались при власти на Боспоре.

<sup>70</sup> Христос воскрес! (греч.).

<sup>71</sup> 121,0668 км.

<sup>72</sup> [См.: 26, с. 120-124, а также листы 17-18 в альбоме гравюр]. Некоторые рисунки Хебера все же сохранились, но пока они не опубликованы. Еще один рисунок, как уже говорилось, попал в книгу Кларка [1, р. 257, note \*].

<sup>73</sup> В южную стену храма Иоанна Предтечи действительно вмонтированы несколько античных надгробий – вероятно, они были обнаружены при земляных работах и оказались в стене во время одного из позднейших ремонтов, предположительно в 1801 г. [42, с. 49].

<sup>74</sup> Т.е. на западном берегу Керченского пролива; автор следует античной географической традиции, по которой именно там проходила граница между Европой и Азией.

<sup>75</sup> Изображение чалмы весьма популярно на мусульманских надгробиях, особенно над могилами хаджи (лиц духовного звания, побывавших в Мекке), реже – воинов. Размер тюрбана часто отвечал представлениям о заслугах усопшего.

<sup>76</sup> [24, S. 105 (а также л. 23 в альбоме гравюр)]. Вероятно, Хебер читал труд Палласа в

наступления темноты, мы достигли другого селения и были вынуждены провести яростный бой с собаками, пока нам удалось раздобыть жилье. Название его я позабыл.

На следующий день мы наблюдали несколько участков обрабатываемой земли, а страна улучшилась, хотя и все равно полна развалин. По нашей правой руке лежало Азофское море, а слева от нас теперь было видно Черное море; перед нами лежала разрушенная мечеть. Наведя справки, мы обнаружили, что наш возница сбился с пути, что мы проехали поворот на Каффу, и теперь были на дороге в Карасу-базар. Каффа сейчас лежит по нашей левой руке, и, когда мы приблизились к ней с этой стороны, оказалась мрачайшим зрелищем. В северо-восточной части залива находятся замечательные развалины, которые раньше были монетным двором<sup>77</sup>; а стены и башни, хотя и разобраны, весьма хороши. Город поднимается, словно театр, от границы воды, и <занимает> значительное пространство, но практически полностью разрушен. Со стороны берега он защищен высокой стеной с амбразурами и зубцами; амбразуры сообщаются с родом галереи, и <они> проделаны в толще стены, с большими внутренними арками, которые придают ей вид акведука. Эти арки поддерживают верхнюю площадку и парапет. Башни полукруглые; на одной из них, в которой ворота, много щитов с не очень испорченными геральдическими изображениями, которые удостоверяют, что ее основателями были генуэзцы. Здесь есть несколько благородных магометанских бань – целых, но сейчас обращенных в склады; много разрушенных мечетей и одна, которая все еще в хорошем состоянии, но мало используется. Здесь есть также остатки нескольких построек, которые, <судя> по их форме и расположению с востока на запад, оказываются церквями. Турецкие и армянские надписи имеются в изобилии; но я не смог найти, хотя искал несколько дней, никаких следов, о которых я мог бы суверенно сказать, что они принадлежали древней Феодосии. Северо-западный квартал города населен караимскими евреями, а узкий базар у воды кишит <людьми>, как базары Европы. Это – две наиболее многолюдные части города. Здесь есть несколько армян, но не более тридцати семей, и почти нет татар. Оставшаяся часть населения состоит из гарнизона, пяти или шести итальянских и не//мецких

<253: КАФФА – РАЗВАЛИНЫ>

купцов, (когда мы там были, не было ни одного французского) и нескольких бедных французских и швабских эмигрантов<sup>78</sup>. Генерал Фэншоу<sup>79</sup> построил очень хорошую

---

английском переводе 1802-1803 гг. [25], который мне недоступен. На русский язык первый том труда Палласа, содержащий в том числе описание ногаев, не переводился [см.: 26, с. 16 сл.; прим. 147, с. 231], опубликована лишь гравюра [с. 219]. Кроме того, судя по одному из писем Хебера [1, р. 313], ему было известно о кратком предварительном описании путешествия П.С.Палласа по Крыму, которое было издано на французском языке [27].

<sup>77</sup> Ср. слова француза Жильбера Ромма, побывавшего в Крыму в 1786 г.: «Мы посетили монетный двор. Он расположен подле дворца, который хан строил себе на берегу моря и который так и остался незаконченным. Машины, прессы для чеканки и здание фабрики принадлежали хану» [48, с. 47].

<sup>78</sup> Павел I подарил в 1798 году Феодосии право вольного города (порто-франко). Статус порто-франко предусматривал беспрепятственное поселение здесь иностранцев и бесплатную передачу переселенцам земли. В начале XIX века немцы-переселенцы из Швейцарии и

пристань; и, снеся некоторые разрушенные постройки и часть стены, сделал хороший въезд с севера, который он засадил деревьями. Они строили очень обширное и удобное место для карантина. Я не смог найти водопровода, но здесь и не было в нем никакой нужды, поскольку здесь есть много прекрасных источников, бьющих в разных местах верхнего города, который, за исключением северо-восточного квартала, где живут караимы, полностью запустел и разрушен. Все источники аккуратно сохранены в цистернах, некоторые из которых орнаментированы и перекрыты арками с турецкими надписями; и, в частности, один из них, который возле юго-западного угла стен, – восхитительная ванна, пусть маленькая, окруженная живописными развалинами, а над ней свешиваются ивы и подлесок. Развалины Каффы состоят главным образом из строительного камня, который легко поддается обработке; большая часть домов была, как я понял, из грязи и слабообожженных кирпичей; но от них вряд ли остался след. Ни один из тех, что еще стоят, не имеет плоской крыши, но все они покрыты черепицей, с сильно выступающими свесами, и в том же архитектурном стиле, что дворец в Батчисерае. Самые лучшие из них примыкают к пристани и заселены купцами. Здесь есть немногие дома, построенные недавно; один – таверна французского эмигранта; а другой – дом, предназначенный для губернатора, Фэншоу. Все они из легких бревенчатых рам, покрытых штукатуркой.

В лучшие дни татары называли Каффу «Кутчук Стамбул» («малый Константинополь»). Я часто спрашивал разных людей, каким было ее население раньше; в частности, старого итальянца, который был ханским переводчиком; но ответы, мною полученные, были не таковы, чтобы я мог им доверять. Так, он и татарские крестьяне рассказывают одну и ту же историю, что раньше она насчитывала шестнадцать тысяч домов. Все татары связывают ее упадок с несчастьями, принесенными ей <солдатами> русского гарнизона, которые сорвали крыши с домов, где они были расквартированы, на дрова. Швабский поселенец говорил мне, что дерево в основном доставлялось из Старого Крыма, и было очень дорого; он жаловался на очень холодную зиму. Зерно очень дорого и поступает в основном с Дона. Корм для скота не так обилен, как я бы предположил.

#### <254: НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИСТЫ>

Молодой человек, которого наняли закупать припасы для подрядчика г-на Итона, утверждал, что цена на говядину на рынке Каффы – десять или пятнадцать копеек за фунт<sup>80</sup>, иногда больше, а снабжение нерегулярное. Примерно в трех милях от Каффы находится деревушка немецких колонистов, которые были очень бедными и отчаявшимися; их число могло быть двенадцать семей, которые тогда были на своих фермах, остальные же ушли на службу или в море. Генерал Фэншоу, к которому у нас было <рекомендательное> письмо, находился в Петербурге, так что я не могу дать настолько хорошее описание Каффы, как если бы я имел возможность получить ин-

---

Баварии основали в Феодосии район, который получил название «Форштадт» (с немецкого переводится как «пригород»). И по сей день этот район города носит старое название.

<sup>79</sup> В русском написании – Андрей Семенович Феньш (1757-1828 г.). Англичанин по рождению, он состоял на российской службе с 1784 г., участвовал во многих войнах, в том числе во второй русско-турецкой, дослужился до генерала от инфантерии (1804 г.). В 1803-1808 гг. – военный губернатор Таврической губернии и военный губернатор Феодосии [49, с. 593].

<sup>80</sup> Английский фунт – 453,6 г, русский фунт – 409,5 г.

формацию от него. Его целью было учредить в Каффе банк, и, наконец, устроить сообщение с Доном через Арабат<sup>81</sup>. Каффские купцы были, как обычно, чересчур оптимистичными и уверенными в успехе своего проекта; и мы услышали рассказ, прямо противоположный тому, что нам поведали в Таганроге<sup>82</sup>. Мы не смогли узнать, имеется ли в Арабате безопасная гавань; дорога из Каффы туда ровная, и при необходимости может быть построена железная дорога – с небольшими затратами, поскольку материалы пришли бы по воде из Лугана. Залив Каффы недостаточно защищен с юго-востока; но нас уверили, что тут очень редко дуют сильные ветры с этой стороны, и что несчастные случаи никогда не случались. Небольшое судно того типа, которые Россия снаряжала в большом количестве во время Турецкой войны, с одной мачтой и широким латинским парусом, лежало в гавани, чтобы забрать шотландца по имени Макмастер в Имеретту, где, <а также> и в Трапезунте, он должен был исполнять роль своего рода консула от общества, которое только что открыло там торговлю.

В Каффе мы получили от правительства<sup>83</sup> распоряжение насчет лошадей из татарских селений по цене две копейки за версту с лошади. Приказ был на турецком; как нам пояснили, он дан «от нашего *цветущего* города Каффы», что, как я заключил, было ее древней привилегией. Старейшина или староста каждого селения называется «*омбаска*»;

<sup>81</sup> О том, что такая торговля по арабатской косе существовала, говорит Паллас [26, с. 119].

<sup>82</sup> В Главе VI «Жизнеописание» Хебера Таганрогу посвящено несколько страниц. В частности, сообщается, что из Таганрога не вывозится товаров, а окрестные ногаи ничего в городе не покупают [1, р.204]. Навигация здесь затруднена: зимой – замерзающим морем, а с середины лета – ветрами, из-за которых море сильно мелеет [1, р. 206]. Хотя Таганрог ведет торговлю и с Турцией, и с верховьем Дона, плавание отсюда по Азовскому морю очень небезопасно из-за наличия отмелей, частых штормов, а также ветров, которые сдувают воду и приводят к обмелению моря [1, р. 207-208]. «В настоящее время учреждение Каффы и ее превращение в порто-франко <беспощинный порт – прим. перев.> сделало вопрос о пользе Таганрога более чем сомнительным; сейчас ему позволен карантин в той мере, в которой он касается всех товаров, не подверженных инфекции («контумации»).

Все суда исследуются в Керчи до того, как они входят в Азофское море; те, например, что имеют груз шерстяных тканей, что включает в себя всех прибывающих из Европы, должны пройти карантин или здесь, или в Каффе; остальным же, которые полностью загружены // фруктами, вином и т.д., позволяется следовать прямо в Таганрог, где они проходят карантин. Недавно правительству было предложено каффскими купцами учредить лихтерные перевозки прямо из Ростова в Арабат, откуда есть краткий наземный путь в Каффу. Этот маршрут, говорят они, – тот, которым пользовались генуэзцы и греки <для торговли> с древними русскими, чьи плетеные лодки приходили в Арабат без страха и опаски. Они поддерживают свое дело аргументами, вытекающими из мелководья Азофского моря, трудностей Еникальского пролива, и т.д., и добавляют, что, если позволить судам идти в Таганрог без предварительного карантина, легкость сообщения с землей не только будет создавать массу возможностей для контрабандной торговли, которая и в других отношениях будет вредоносной, а предотвратит ее в столь ограниченном море невозможно, но сможет даже принести чуму в сердце России. Поэтому, они выступали очень против карантина в Таганроге, ведь он опасен и дорог; доказывая также, что лихтеры, которые сейчас перевозили товары из Ростова в Таганрог, могли бы столь же легко перевозить их на все расстояние до Арабата, что стало бы большим подспорьем для моряков. Этот план почти полностью уничтожил бы торговлю Таганрога, поскольку во время,

но я записываю татарские слова только со слуха. Дорога неинтересна до тех пор, пока вы не проедете Старый Крым, хотя здесь происходит постепенное улучшение в обработке земли. Старый Крым, как нам рассказали, называется так потому, что татары считают его древней столицей полуострова. Сейчас это селение не больше чем из пятидесяти домов, целиком заселенное армянами; однако магометанские развалины обширны; здесь есть

<255: СУДАК – Д-Р ПАЛЛАС>

три мечети и то, что оказалось баней. Окрестные крестьяне – все татары.

На первом перегоне в направлении Судака слева появляется постройка, <расположенная> в прекрасном месте среди деревьев, на склоне крутого холма, о которой наш татарский проводник сказал, что это была армянская обитель<sup>84</sup>. Мы разговаривали с

---

пока суда лежат в карантине, они выгружают грузы в склады, назначенные для это цели, и потому теряется гораздо меньше времени, чем если бы они были обязаны проходить карантин где-либо вне пункта назначения. Жители постарались отбить эту атаку, которая, если бы достигла успеха, должна была бы низвести Таганрог до каботажного порта, просто экспортирующего коноплю и зерно в Арабат и импортирующего железо из Лугана, доказывая, что обстоятельства греческих купцов с одной стороны и русских и казацких торговцев с другой, их маленькие капиталы и желание доверять друг другу не потерпят промежуточной группы факторов и партнеров, требуемых для Арабатской схемы; и что весь бизнес Таганрога осуществляется *viva voce* <устно – прим. перев.> и без долгосрочного кредита, который был бы чрезвычайно неудобен для обеих сторон. Они также убеждают, что фрукты, вина и мармелад, привозимые на греческих судах, не являются «контумацией», и по природе чрезмерно страдают при разгрузке, и не могут ни при каких обстоятельствах перенести транспортировку по суше; вино, в частности, хранится // в очень больших и очень тонких флягах, в которые его закачивают после того, как их разместят на судах. Они ссылаются на жестокость разрушения древнего русского города, творения Петра Великого, и выдвигают то соображение, что в Америке обнаружили, что такие порты являются самыми выгодными для страны, которая находится в положении, наиболее удаленном от моря. Имели место многочисленные обращения с обеих сторон; а генерал Фэншоу, губернатор Каффы, прожил много месяцев в Петербурге, прилагая все свое влияние в пользу своих схем. Около того времени, как мы туда прибыли, Таганрогу был дарован ограниченный карантин, о котором я упоминал, и правительство пообещало дар в 100 000 рублей генералу Фэншоу для учреждения банка в Каффе и порта в Арабате, а также пообещало 500 быков для использования при наземных перевозках из Арабата в Кафу» [1, р. 208-210]. Любопытно, что Паллас предлагал третье место для учреждения Карантина – в Керчи [26, с. 121-122].

<sup>83</sup> Может быть имеется в виду канцелярия генерал-губернатора Каффы. Вот что впоследствии писал Хебер другу, собиравшемуся предпринять поездку в Россию: «По приезде в Акметчет (Симферополь) вы должны обратиться к губернатору за фирманом, адресованным к татарам, чтобы обеспечить вас лошадьми; вы платите им две копейки за милю с лошади, ведь в горах третья копейка не берется, так как там нет почты. Убедитесь в том, что очень четко объяснили, что хотите фирман, который проведет вас через горы от Севастополя до Феодосии (Каффы), поскольку в противном случае русский секретарь, без сомнения, сделает грубую ошибку» [1, р. 309].

<sup>84</sup> Сурб-хач – средневековый армянский монастырь (основан в 1358 г.), который неоднократно разрушался и потом восстанавливался. Вот слова Мэри Холдернес, видевшей Сурб-хач через десяток лет после Хебера: «Постройка слева от дороги из Стария Крым <Staria Crim> в Судак, о которой говорил г-н Хебер, – это монастырь, с несколькими живущими там

татарами через переводчика, которого мы наняли в Каффе; он был польским евреем, но прожил несколько лет в Константинополе. Ничто не могло быть более интересным, и для нас новым, чем панорама и появление каждого из тех, кто нам встретился. Нас обогнал мирза, или «благородный»,<sup>85</sup> один из немногих все еще остающихся в стране; и я был польщен, когда ко мне впервые обратились с восточным саламом, которым нас впоследствии приветствовали все путники. В этой части страны я видел только одного верблюда, самку, которую держат ради молока; дороги слишком круты и скалисты для них. Обычная повозка имела два колеса и приводилась в движение двумя быками, запряженными парой, как парный двухколесный экипаж; она была легкой, но вместительной. Такие <повозки> можно увидеть только до Судака; далее холмы слишком круты для любого колесного экипажа. Мы провели в Судаке день с д-ром Палласом<sup>86</sup>, который много расспрашивал о г-дах Кларке и Криппсе<sup>87</sup>. Красота этой прославленной долины весьма нас разочаровала, за исключением того, что касается виноградников, которые обширнее и лучше любого, виденного нами в другом месте. Д-р Паллас говорил, что вино, которое делают татары, наносит ущерб чрезмерный полив их виноградников, что увеличивает размер винограда, но портит его вкус<sup>88</sup>. Все вино, которое мы пробовали, плохое и «голодное»<sup>89</sup>. Судак, или, как мне объяснили его <название>, «холм фонтана», это деревушка, населенная несколькими семьями греков, с очень маленькой и небезопасной гаванью. Замок, который разрушен, стоит на высокой изолированной скале,

армянскими монахами, и очень хорошее поместье с относящимися к нему тремя тысячами десятин <desaiteen>. Местоположение этого монастыря – самое романтическое и прекрасное, но, за исключением вида окрест, в нем нет ничего достойного упоминания» [9, р. 196].

<sup>85</sup> Мирза или мурза – титул низшей татарской знати.

<sup>86</sup> Екатерина II пожаловала Палласу (о нем см. прим. 8) владения в Крыму, в том числе в Симферополе и Судаке, где он должен был поправлять свое здоровье. Однако жизнь на юге стало ученому не заслуженной наградой, а по существу почетной ссылкой, временем «беспокойств и горестей». Паллас провел здесь 1795–1809 гг., занимаясь научными исследованиями и производя опыты по выращиванию винограда и изготовлению вина [6, р. 304; 26, с. 12, 20]. Только в 1809 г. он получил возможность вернуться на родину, в Берлин, где вскоре умер.

<sup>87</sup> Джон Мартен Криппс – друг Э.Д. Кларка (о нем см. вводный раздел), сопровождавший его в путешествии и помогавший в работе над путевыми заметками, служил в Кембридже, в колледже Иисуса. В 1800 г. путешественники прибыли в Симферополь, где и познакомились с Палласом, который оказал им всяческую помощь, в том числе научными материалами, а также сам лечил заболевшего Кларка. Считая, что обстоятельства жизни Палласа вредят здоровью ученого, Кларк неоднократно предлагал своему «другу и благодетелю» покинуть негостеприимный полуостров и уехать в Англию, но получил отказ. Впоследствии Паллас сопровождал Кларка и Криппса во время их второго путешествия по юго-западному Крыму [6, р. iv, 302-304, 364].

<sup>88</sup> Ср.: «Татары думают этому <неплодородию почвы и, как следствию, скудости урожая> помочь, сильно поливая виноградники, не только осенью и зимой, но и весной, сейчас после цветения, для чего они везде проводят каналы из ручьев и источников, и так заливают виноградники, что они превращаются в болота. Но этот способ очень вредит качеству вина и хорошие хозяева поливают только один раз, зимой или весной...» [26, с. 170; подробнее см.: с. 99, 169-183].

<sup>89</sup> *hungry*, то есть сделанное из винограда, выросшего в условиях недостаточного полива или нехватки удобрений, или из недозрелого винограда, недоделанное, недостаточно

на востоке города; а у подножья есть прекрасный источник, сохраненный в большой цистерне, с прикрепленным к нему металлическим кубком. Я полагаю, что это – гавань, упомянутая Аррианом как находившаяся во владении скифских пиратов, между Феодосией и Ламбатом<sup>90</sup>. Здесь есть маленькая, но симпатичная мечеть, все еще целая, в замке. Я не видел ничего, что можно связать с древностью более глубокой, чем гегуэзцы, и ни единой вещи, о которой я мог быть уверен, что она хотя бы столь древняя, как их постройки. Только за Судакком начинают появляться настоящие черты и обы//чай

<256: ЛАМБАТ – ПАРТЕНАК>

горцев. В долине Олуз, или Судакской, очень немногие сельские дома имеют плоскую крышу, а все фермы лучшего рода покрыты черепицей.

В Кае<sup>91</sup>, на следующем перегоне, и оттуда до Байдар, у построек плоские крыши, за исключением мечетей, которые покрыты черепицей; <они> обычно со щипцами, и окружены деревянным портиком. Это различие между крышами частных и общественных построек упомянуто Аристофаном как существовавшее в Афинах:

ἄσπερ ἐν Ἱερούσι οὐκ ἔστει

Ταί γὰρ ἵμων οὐκ αἶ εἶρεσσι μὲν ΠΡΟΣ ΑἸΕΤΟΝ. Ориф. 1109-10<sup>92</sup>.

Дома, в большинстве случаев, громоздятся друг над другом, <будучи построенными> наполовину под землей, вдоль склонов холмов<sup>93</sup>. Они сделаны из глины, а селения напоминают кроличьи норы. Орошение практикуется повсеместно и с видимым умением, там, где посажены виноградники. Выращивается очень мало зерна; зато долины – это буквально леса фруктовых деревьев. Вода имеется в изобилии; и

сладкое. О том, что «судакское вино очень слабое» писал за 20 лет до Хебера Жильбер Ромм [48, с. 46].

<sup>90</sup> «Отсюда <т. е. от Феодосии> двести стадиев до покинутого порта скифо-тавров, а отсюда до Лампады в таврической земле шестьсот стадиев» [Ps.-Arr. *Per. Pont. Eux.* 30].

<sup>91</sup> Непонятно, какой именно пункт имеет в виду автор. Ясно, что «Кауа» находилась где-то на побережье, между Судакком и Алуштой, так как Хебер, несомненно, следовал вдоль берега, лишь раз уклонившись в сторону и совершив поездку несколько вглубь полуострова – из Каффы в Старый Крым, однако оттуда вновь вернулся на побережье, в Судак [ср.: 6, р. 354, п. +]. Паллас упоминает гору под названием «Скала» (то есть в обратном переводе на татарский – Кая) между Ускютом (совр. село Приветное Алуштинского горсовета) и Карсубазаром (совр. Белогорск) [26, с. 94]. Вероятно, под этим названием скрывается гора Хырколь, ведь П.С. Паллас описывает высокую гору к западу от современной Белогорской балки. Если это и есть Хеберовская Кая, то описанные ниже постройки он наблюдал в близлежащих деревнях.

<sup>92</sup> ...Вы будете жить, как боги, потому что мы воздвигнем ЩИПЦЫ над вашими домами... (Аристофан, «Птицы»).

<sup>93</sup> Ср. описание Жильбера Ромма: «...Дома в Алуште расположены амфитеатром по склону горы. Крыша каждого дома представляет собой горизонтальную террасу из утрамбованной земли, насыпанной на потолок, сделанный из коротких и плоских деревянных брусьев. Дымовая труба проходит сквозь террасу, и отверстие ее обделано камнями, образующими круглый футляр. Во время дождей или в тех случаях, когда земля на террасе почему-нибудь разрыхлена, они обычно утрамбовывают ее, чтобы уплотнить и тем воспрепятствовать просачиванию воды; для этого на террасе у них всегда лежит специальное приспособление – доска в 2-3 фута, изогнутая в виде дуги с палкой сверху, тоже изогнутой; за нее и приводят в

рядом со многими из лучших колодцев устроены земляные сиденья и оставлены чаши для питья странников. Есть волки и лисы, и конечно дичь не очень обильна; но есть зайцы и немногочисленные куропатки.

Между Ламбатом и Алиуштой есть дорога, по которой поднимаются на Чатыр Дагх – ее мы пропустили в виду грубой ошибки своего еврея-переводчика. Где-то между Судаком и Ламбатом (Лампадой)<sup>94</sup> есть скала, которую, благодаря ее воображаемому сходству с кораблем, считают судном, что было обращено в скалу вместе с командой. Мы попытались разузнать эту легенду, но не могли полагаться на перевод нашего еврея, который очень сильно устал и в то время совсем поглупел<sup>95</sup>.

Ламбат находится на скалистом мысу, который образует восточное побережье красивого залива, посреди одного из величайших пейзажей Крыма, имея справа от себя Чатыр Дагх, а спереди – прекрасный мыс, называющийся Айю Дагх, или «медвежий холм»<sup>96</sup>. Этот <последний> связан с грядой Чатыр Дагха скалистым перешейком, покрытым лесом, и сам является полуостровом; напоминая, хотя и в более грандиозном масштабе, Ормес Хэд в Карнарвоншире<sup>97</sup>. Перешеек, однако, хотя и значительно ниже холмов, сам по себе очень высок, в каком-то отношении он отличается от того места. У

<257: АЙОУ ДАХ – САХАР ИЗ ДЕРЕВА ГРЕЦКОГО ОРЕХА>

подножья перешейка, в прекрасном лесу из деревьев грецкого ореха, стоит Парте-нак, селение с хорошей гаванью для малых судов, образованной высоким скалистым

действие это орудие, когда утрамбовывают землю... <В Малом Ламбате> дома идут амфитеатром и, как в Алуште, прислонены к горе, но отличаются тем, что в них нет окон и свет проникает в эти берлоги только сквозь очень большую трубу, и через квадратные дыры, сделанные в террасе, служащей крышей...» [48, с. 59]. А вот как описал такие постройки шотландец Джеймс Вебстер (1827 г.): «Алушта построена своего рода террасами, так, что плоская крыша одного дома служит местом прогулок для жителей верхней постройки. Существует семь или восемь ярусов таких домов (ни в одном из них нет более одной квартиры), очень низких, с портиком впереди, примерно восьми футов шириной» [50, р. 56].

<sup>94</sup> Ламбат – название современного Хеберу места, тогда как Лампада – античное поселение (см. ниже).

<sup>95</sup> Непонятно, какой пункт крымского побережья имел в виду Хебер. Известно, что скалы, называвшиеся «Окаменелым кораблем», находились восточнее Судака (то есть не совсем там, где указывает Хебер) – в Коктебельской бухте, у мыса Топрах-Кая. Сейчас они разрушены морем [51, с. 50; 71, с. 1-3, 33].

<sup>96</sup> На южном берегу Крыма, поблизости друг от друга, находятся два населенных пункта с таким названием – Кучук-Ламбат (совр. село Кипарисное) и Бююк-Ламбат (совр. село Малый Маяк). Хотя Хебер не указывает, какой именно из этих Ламбатов имеется в виду, само описание не оставляет сомнений в том, что – Кучук-Ламбат, расположенный на мысе Плака. Здесь, по всей вероятности, действительно находилось античное поселение Лампада, упомянутое Псевдо-Аррианом [Ps.-Arr. *PPE* 30=19H] и анонимным автором «Перипла» Черного моря [Анон. *PPE* 78-79]. Л.В. Фирсов отыскал на этом месте фрагменты эллинской керамики – правда, редкие и не образующие слоя [52, с. 95-96, ср. с. 111-112; 53, s.v. Лампада]. В средневековье греческое Λαμπάς в татарском произношении стало Ламбатом, сохранив значение – «маяк».

<sup>97</sup> Полуостров Ормес Хэд или Грейт Ормес Хэд находится в графстве Карнарвоншир на северном побережье Уэльса (это недалеко от Мальпаса – родины Хебера, отсюда, видимо, и сравнение).

островом. Здесь мы встретили старого татарина, имевшего огромную практику в качестве строителя лодок, который своими собственными руками и с помощью двух своих сыновней только что закончил прекрасную шхуну, следует думать, в тридцать тонн, для купца в Каффе. Обычные суда этой страны напоминают турецкие – с латинскими парусами, высоким носом и очень сильно выгнутой кормой. Я был столь сильно поражен Айоу Дагхом, что я не мог не вообразить его Криу-метопоном Страбона<sup>98</sup>. Крутая и узкая тропа ведет через перешеек этой горы из Партенака. С вершины мы видели, как мы вообразили, и в чем татары уверили нас, весь путь от Кутчук Кое до Босфора.

Кутчук-кое – селение на самой южной оконечности Крыма, а называется так, чтобы отличить ее от другой кое, Дерык-кое, которая стоит на холме над Хиалтой<sup>99</sup>. Дерык-кое – фонтан, представленный на моем рисунке, который лежит на дороге между Никита Боурун и Дерык-кое. Хиалта, бедное селение греков, с небольшой греческой церковью, лежит слева, а выше Дерык-кое, на пути, который ответвляется на Батчисераи, есть селение русских, принадлежащая, полагаю, адмиралу Мордвинову<sup>100</sup>.

Над Кутчук-кое скалы становятся гораздо более перпендикулярными и голыми; и если это – Криу-метопон, название могло быть произведено от их высокой и отвесной лицевой стороны<sup>101</sup>. Из Страбона ясно, что этот знаменитый мыс был к востоку от Συμβολων λιμνη, который, я полагаю, является Балаклавой<sup>102</sup>; и потому у нас есть лишь Кутчук-кое и Айоу Дагх, между которыми и выбирать.

Над Гурзуном есть небольшое разрушенное укрепление, хорошее описание которого дал Паллас<sup>103</sup>. Леса на этом участке не очень большой высоты; встречаются, одна-

<sup>98</sup> «После Символон Лимен, вплоть до города Феодосии тянется таврическое побережье [длиной] около 1000 стадий. Побережье это каменистое, гористое и подвержено сильным бурям с севера. Перед таврическим побережьем находится мыс, далеко выдающийся в море на юг, в сторону Пафлагонии и города Амастриды, под названием Криу-метопон» [Strabo Geogr. 7.4.3]. Сейчас этот Криу-метопон (в буквальном переводе – «бараний лоб») отождествляют с одним из мысов южного берега Крыма – Аю-Дагом, Ай-Тодором или Сарычем [см.: 54, с. 112-114; 55, с. 22-24].

<sup>99</sup> На южном берегу Крыма было несколько населенных пунктов с таким названием; по всей видимости, речь идет о селах, ныне вошедших в состав Ялты (Хиалты у Хебера) – Кючук-Кое (тюрк. «малая деревня», позже с. Бекетово) и Дерекое (тюрк. «деревня в овраге», позже с. Ущельное); «кой» (тюрк.) – деревня.

<sup>100</sup> См. издание *in quarto* «Путешествий» д-ра Кларка.

<sup>101</sup> Николай Семенович Мордвинов (1754-1845 гг.), знаменитый военный (участник второй русско-турецкой войны, с. 1799 г. – адмирал) и государственный деятель (морской министр – 1802 г., член Государственного совета и Верховного уголовного суда), почетный член Академии Наук (1826 г.). Владел обширными поместьями в Крыму.

<sup>102</sup> Игра слов – английское «forehead» означает и «лоб» (мыс Бараний лоб), и «лицевая часть чего-либо». О Криу-метопоне см. прим. 98.

<sup>103</sup> Совершенно справедливое предположение: известная по многим античным источникам Гавань Символов там и находилась [см.: 53, s.v. Гавань Символов].

<sup>104</sup> «...лежит у моря скала более 15 саженей высоты, разделяющаяся на два утеса, между которыми и Никита-Бурун есть маленькая круглая бухта, или рейд. На этом выступе построено укрепление Уршув, или Юрзуф, представленный на седьмой виньетке. Деревня Юрзуф лежит более к западу... Сейчас описанная скала имеет на своей северной вершине защит-

ко, сосны и некоторое количество дубов, и величественные деревья грецкого ореха. Татары по весне, когда <деревья> наполняются соком, прокалывают деревья грецкого ореха и вставляют <в них> пробку на некоторое время; когда ее вынимают, течет чистый сладкий сок,

**<258: БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА – АКТИАР>**

который они используют как сахар, когда свернется. В разных местах мы видели несколько кипарисовых деревьев, растущих на кладбищах; они были показаны нам как редкость, и <были> привезены из Стамбула. Ниже Кориэсса, в долинах над берегом моря есть несколько прекрасных оливковых деревьев. Пирамидальные тополя имеются в изобилии повсюду, и <они> очень красивы. Ламбатские люди жаловались, что им не позволяют ни рубить, ни продавать лес, даже в Каффу. Я никогда не мог понять причину этого запрета. В окрестностях Актиара о деревьях не проявляется такой заботы, в то время как на многие мили не осталось и куста<sup>104</sup>.

Из Балаклавы мы поехали посмотреть Байдарскую долину. Эта знаменитая долина принадлежит адмиралу Мордвинову; но, когда мы там были, его владение оспаривалось, и ренту платили правительству в залог. Многие из русских собственников в Крыму находились в том же положении, из-за следующих обстоятельств, как они были описаны мне графом де Рошфором, который был племянником герцога де Ришелье<sup>105</sup>. При ужасах завоевания татарские собственники слабо сопротивлялись раздачам, которые делались из их земель; но теперь, когда они снова до некоторой степени восстановлены в своих правах, те, кто строго говоря не подпадают под определение эмигрантов, начали процессы, чтобы получить обратно конфискованное у них, что было очень неожиданным ударом по их господам<sup>106</sup>.

ную стену, совершенно недоступную; около 6 сажень ниже, на уступе, куда ведет удобный подъем; по впадине, разделяющей два утеса, распо//ложена, по-видимому, генуэзская батарея, построенная из бутового камня на извести, толщиной стены – в полтора сажени; один из ее флангов – с двумя амбразурами для пушек, обращенных на бухту, другой – для пяти пушек направлен в сторону долины. Проход между утесами был закрыт стеной, у подножья скалы, как кажется, было также укреплено стеной и ронделью. Под батареей находится основание круглой башни, откуда крепостная стена спускалась к берегу моря. Здесь между подводным камнем и искусственным молот была устроена маленькая и очень надежная гавань. Край скалы, обращенный к морю, – отвесный и недоступный» [26, с. 83, 84; см. также с.222, виньетка 7]. Раскопки средневекового (VI-XV вв.) укрепления на скале Дженебез-Кая проводил О.И. Домбровский [56, с. 8-13].

<sup>104</sup> Причину этого обстоятельства открывают слова Палласа: «Дело в том, что морской червь, проедающий судовое дерево, водится в большом количестве в Черном море по всему побережью Крымского полуострова, до Кафы и Керчи, а также в Ахтиарской гавани; они проедают судовую обшивку менее чем в два года. До сих пор от них не найдено иной действительной меры, как вводить суда, по крайней мере каждые два года, в эту малую <Килен->бухту, крепить их набор и обжигать можжевельником, смолой обмазывать... Редкость топлива так велика, что можжевельник, прежде довольно многочисленный на почве Херсонеса, истреблен, и необходимый для обжига корабельных днищ вынуждены добывать далее Инкермана. Осталось только колючее держи-дерево, до которого боятся дотронуться» [26, с. 38-39].

<sup>105</sup> См. прим. 33, 35.

<sup>106</sup> Подробнее о проблемах, возникших с правом землевладения в Крыму, рассказывает Паллас [26, с. 157-160].

Россияне, со времени завоевания, установили свой омерзительный кодекс рабства<sup>107</sup>; но не в таком жестком положении, как в их собственной стране. Два дня в неделю, как мы поняли от Палласа, – это вся работа, которую татарин обязан выполнять даром для своего господина; а русский сильно жалуется на их леность. Почти все горцы – или свободные землевладельцы, или на положении государственных крестьян. Количество российских жителей в Крыму сильно сократилось. Некоторые испугались за право на владение своими землями; другие понесли большие потери от бегства своих рабов, некоторых из которых приняли и спрятали кубанские казаки; это, однако, сейчас предупреждается правительством герцога де Ришелье, которое включает в себя всю страну до Кавказа и Каспия.

Из Балаклавы мы проследовали в Актиар, что назван так по своим белым скалам. Старый город стоял, как нам рассказали, на северной стороне

<259: БАТЧИСЕРАИ>

гавани, где нет ни каких сколько-нибудь значительных остатков<sup>108</sup>. Здесь не строят кораблей, поскольку лес должен целиком сплавляться вниз по Богу<sup>109</sup> или Днепру. Сделано предписание, запрещающее всем торговым судам вход в гавань, исключая несомненно <находящихся> в бедственном положении; странный образ действия в сравнении с общей политикой европейских правительств. Обозначенная причина – расхищение общественных запасов, которые без стыда продавались купцам правительственными чиновниками. Результат должен был всецело ограничить процветание этого города; и поднять цену на всякий импортный товар до самой непомерной величины. Даже продовольствие не может доставляться морем без специального разрешения. Эту информацию я получил от адмирала порта Бандакофа<sup>110</sup> и от английского офицера на русской службе.<sup>111</sup> Природные достоинства гавани действительно удивительны; и самые большие суда лежат в пределах длины каната от берега. Гавань делится на три бухточки<sup>112</sup>, предоставляющие убежище при любом ветре, и места, удобные для ремонтов, строительства и прочего. На возвышенной косе, между двумя узкими южными заливами<sup>113</sup>, стоят адмиралтейство и склады, а на противоположной стороне<sup>114</sup> – город. Главный рукав гавани идет на восток и завершается долиной и маленькой речкой Инкермана<sup>115</sup>. Здесь<sup>116</sup> есть

---

<sup>107</sup> Крепостное право введено в Крыму и на юге современной Украины с 1796 г.

<sup>108</sup> Актиар или Ак-Яр (тюрк. «белый овраг») – название татарской деревушки, некогда находившейся на северной стороне Севастопольской бухты, приблизительно в трех километрах от Инкермана; отсюда и второе название Севастополя [см., например: 26, с. 36]. Видимо, именно об этой деревне и говорили Хеберу.

<sup>109</sup> Южный Буг.

<sup>110</sup> Имеется в виду Иван Григорьевич Бардака (?-1821 г.), генерал-майор, греческий уроженец. В описываемое время состоял капитаном над севастопольским портом, а также директором черноморского штурманского училища

<sup>111</sup> В одном из писем, сочиненных по возвращении из поездки, Хебер называет имя этого человека: «англичанин Мессер, почтовый капитан» [1, р. 310].

<sup>112</sup> Артиллерийская, Южная и Корабельная бухты.

<sup>113</sup> Т.е. на восточной стороне Южной бухты.

<sup>114</sup> Южной бухты.

<sup>115</sup> Черная речка.

<sup>116</sup> Т.е. в Севастополе.

несколько грозных батарей, и устье гавани очень легко защитить. Старые и непригодные пушки разбивают на мелкие куски, для чего их поднимают на большую высоту и сбрасывают на слой каменной кладки; затем их отправляют, как нам рассказали, в Луган для переплавки<sup>117</sup>. Построить корабль на берегах Черного моря стоит в полтора раза больше, чем сконструировать его в Кронштадте, <потому что> лес привозят очень издалека.

В Батчисераи живут исключительно татары, евреи и армяне – это самый населенный город из тех, что мы видели в Крыму. В нем есть несколько мечетей, не считая очень красивой в серале, с двумя минаретами, знаком царского достоинства. Здесь есть несколько приличных лавок ножевщиков и несколько мастерских по войлоку, коврам, и одна – по красной и желтой коже. Дома почти повсеместно из дерева и слабообожженных кирпичей, с деревянными верандами и наклонными крышами красной черепицы. Здесь есть новая церковь, посвященная Св. Георгию; но самая поразительная вещь – это дворец, который, не будучи ни большим, ни правильно спланированным, тем не менее, благодаря живописному стилю своей архи//тектуры,

<260: БАТЧИСЕРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ – ЕВРЕЙСКАЯ СКАЛА>

своей резьбе и позолоте, своим арабским и турецким надписям, и фонтанам прекрасной воды в каждом дворе, заинтересовал меня более, чем я могу выразить. Комнаты, за исключением зала правосудия<sup>118</sup>, низкие и нерегулярной <планировки>. В одной есть большое число плохих картин, представляющих разные виды Константинополя; и, к моему удивлению, <здесь> были изображены птицы, в полете, вопреки магометанскому запрету на рисование любых животных. Он содержится в удовлетворительном состоянии; а диваны в лучших комнатах все еще снабжены подушками. Одна комната, которую занимала императрица Екатерина, отделана в жалкой манере бальных залов с люстрами и прочим, и является исключением из общего стиля. Гарем – бедная постройка, отделенная от других комнат небольшим окруженным стенами садом, и включающая кухню, с шестью или восемью маленькими и бедными спальнями, каждую из которых (как нам рассказал наш проводник, который был евреем, и помнил его во времена ханов) обычно занимали две дамы. В саду есть большой и очаровательный киоск, окруженный решетками, с круговым диваном внутри, центр вымощен мрамором и оснащен фонтаном. Слово «*серай*», или «*сераль*», данное этому ряду построек, кажется, в татарском и турецком языке соответствует всем значениям нашего английского слова «court»; <оно> применяется независимо ко двору гостиницы или месту внутри ограды дворца.

Еврейскую скалу<sup>119</sup> описывают часто; кажется необыкновенным, что такие крепости

---

<sup>117</sup> Вот что пишет Хебер ранее, в рассказе о Луганске: «На расстоянии около девяноста вест от Ивановны находится литейный цех Луган... Железо не производят на месте, но, как и в Туле, его целиком привозят из Сибири... Правительство использует это предприятие для выплавки оружия, пушек и пр. для Крыма, Черного моря, Каспийского моря и Сибири, ведь оно расположено удобно для каждого из этих мест. Старые пушки, <разъеденные порохом стволы которых стали> похожи на пчелиные соты, разбивают на мелкие части в Севастополе и отправляют морем в Таганрог; оттуда – в Луган, где их переплавляют, так что такая перевозка короткая и легкая. В этом литейном цеху занято много англичан» [1, р. 202].

<sup>118</sup> Т.н. «Зал Совета и Суда».

<sup>119</sup> Хебер имеет в виду Чуфут-Кале, название которой образовано от тюркского *чуфут* –

находятся во владении такого народа; но даже в Абиссинии<sup>120</sup> <народ> фалаша<sup>121</sup> оказывается сходно расположенным, а Джексон упоминает Еврейскую скалу в Марокко<sup>122</sup>.

Акметчет, или «белая мечеть», сейчас Симферополь, хоть и является резиденцией правительства, жалкое разрушенное место; раньше он был более обширным, что следует из трех его мечетей, которые стоят на значительном расстоянии друг от друга. Здесь хороший вид на гору Чатыр Дагх.

Кослоф, или Евпатория был местом нашего следующего привала. В пустыне возле него мы видели некоторые группы ногайских татар, и имели возможность изучить их кибитки, которые имеют форму чего-то вроде пчелиного улья, состоящего из деревянной рамы, покрытой войлоком и поставленной на колеса. Они меньше и более нескладные, чем шатры калмуков, и, в отличии от тех,

#### <261: КИБИТКИ НОГАЙСКИХ ТАТАР>

не разбираются на части. В Крыму они больше используются для случайного проживания пастухов, чем как постоянные жилища. Мы видели очень много буйволов<sup>123</sup> и верблюдов; несколько последних мы встретили запряженными в двухколесные повозки, описанные до того<sup>124</sup>; служба, к которой, следует думать, они приспособлены не так хорошо, как к ношению тяжестей; и хотя «верблюжья колесница» упомянута Исайей<sup>125</sup>, не припомню, чтобы я слышал о подобной практике где бы то ни было<sup>126</sup>. Равнина Кослофа едва возвышается над морем, а пресная вода очень редка и плоха.

---

«еврей», «еврейский», и *кале* – «крепость», в другом значении «скала». Любопытно, что у Палласа, с трудом которого Хебер был хорошо знаком, и у Кларка при переводе этого названия говорится именно о крепости [26, с. 32, 50; 6, р. 315, п.†], а у М. Гатри – о цитадели [30, р. 83].

<sup>120</sup> Эфиопия.

<sup>121</sup> Фалаша – эфиопские неталмудические иудаисты, жившие вокруг озера Тана. Говорят на языке амхара. Негроиды.

Вероятно, являются либо потомкам местных жителей, обращенных в иудаизм евреями в южной Аравии, либо потомками евреев, переселившихся в Эфиопию из Йемена [13, s.v. Falasha; 57, s.v. Falashas; 58, s.v. agay; 59, p. 266-267]. Израиль считает фалаша потерянным коленом потомков праотца Иакова и недавно объявил о намерении вывезти всех фалаша из Эфиопии.

<sup>122</sup> Джеймс Грей Джексон – британский путешественник, автор описания Марокко [60].

<sup>123</sup> Вероятно, имеются в виду быки.

<sup>124</sup> [1, р. 255] и перевод выше.

<sup>125</sup> Исайя 21:7. «Верблюжья колесница» есть далеко не во всех переводах Библии. Так, в русском синодальном переводе: «И увидел он едущих попарно всадников на конях, всадников на ослах, всадников на верблюдах». В большинстве английских версий Библии говорится об «отряде верблюдов» (troop of camels). Вероятно, Хебер имеет в виду «Библию короля Якова», в которой фигурирует именно «верблюжья колесница», chariot of camels (этот перевод Священного писания с еврейского и греческого на английский язык был выполнен в 1611 г. при короле Якове I).

<sup>126</sup> Ср.: «Но что гораздо более привлекло наше внимание, это настоящая скифская колесница, влекомая парой одногорбых верблюдов. Это была глубокая повозка на двух крепких колесах, нечто вроде английской тележки булочника, обшитая сначала тростником, а затем теми же войлоками, из которых сделаны татарские шатры. // Когда мы наблюдали проезжавшую повозку, покрытую из того же войлока было накинуто на ее верх, вероятно, чтобы скрыть женщин, которые, как нам сказали, обыкновенно путешествовали в такого рода экипажах с незапамятного времени» [30, р. 225-226]. И еще: «По случаю в нашем стану

Перекоп – бедная станция лишь из одного или двух домов, где живут почтмейстер и чиновники таможи, и небольшой казармы. Знаменитая стена<sup>127</sup> – земляная, очень высокая, с огромным рвом. Она тянется по прямой линии от моря и до моря, без каких-либо остатков бастионов или фланкирующих башен, которые я мог бы обнаружить. «Золотые ворота»<sup>128</sup> узкие и слишком низкие для английского фургона. «Золотой» среди татар кажется синонимом «царскому»; и таким образом мы слышим о «золотой орде», «золотом шатре» и пр. Полковник Саймс упоминает о такой же манере выражаться в Аве<sup>129</sup>; так что, полагаю, это обычно везде на востоке. В Перекопе есть только один колодец, вода из которого солоноватая и грязная. Мимо проезжал караван из примерно двух сотен *кибиток*, груженных солью и запряженных быками; их вели малороссы, которые привезли в Крым зерно и возвращались со своим теперешним грузом. Белая или очищенная соль неизвестна на юге России; она появляется, даже на лучших столах, сохраняя большую часть бывших в ней примесей и, вследствие этого, совсем коричневой. Груженные этим товаром *кибитки* образуют род каравана. Они редко отклоняются от своего пути ради города или селения, но совершают долгие путешествия; ночью погонщики защищены лишь подветренной стороной своих повозок, и <спали> растянувшись на траве. Во время независимости Крыма (как рассказал мне старый офицер) эти люди всегда были вооружены и путешествовали без страха перед татарами, каждую ночь сдвигая свои фургоны в круг и держа постоянных часовых. Здесь мы, с большим сожалением, оставили Крым и его приятных обитателей; это действительно было похоже на изгнание из рая, когда мы покинули эти прекрасные горы, и снова оказались в обширной зеленой пустыне, которая до того утомила

#### <262: ХАРАКТЕР ТАТАР>

нас столь основательно; когда мы сменили оливки и кипарисы, чистую воду и свежее молоко на камыши, высокую траву, и болотные стоки, делавшиеся не ядовитыми только при смешивании с коньяком; и когда вместо чистого ковра ночью и ужина из яиц, масла, меда и засахаренных фруктов, мы вернулись на сиденье нашего экипажа и к остаткам нашего старого сыра.

---

находился извозчик с Татарскою телегою и двумя дромадарами, и мы наняли оную до Кафы... Во всем Крыму почти такие телеги. Они весьма высокие, имеющие два толстых и крепких колеса, и задняя часть, как и обе стороны покрыты тростником и войлоком. Сии телеги просторны, и если перед хорошо покрыт, то защищает как от жару, так и холоду. В сем то Фаэтоне, запряженном верблюдами, поехали мы... » [61, с. 79].

<sup>127</sup> Имеются в виду турецкий вал и ров на Перекопском перешейке.

<sup>128</sup> Ср.: «Были ли эти ворота некогда вызолочены, что дало им имя *Золотых ворот*, или же они получили его, когда Тавридой владела Золотая орда, я не могу определить» [30, р. 50, п. 41]. По другой версии, «ор» означает «ров». Например: «Как русское название крепости – Перекоп – указывает на прорывие перешейка, так и татарское – Ор-Капи также означает ворота в линии укрепления. И действительно, в Крым переходят по мосту и сквозь сводчатые ворота, находящиеся близ крепости...» [26, с. 21; ср: 62, с. 39; 63, с. 13].

<sup>129</sup> Ава – древняя столица центральной Бирмы, на реке Иравади. Британец Майкл Саймс (1753?-1809 г.), дважды возглавлявший посольства от генерал-губернатора Индии к бирманскому двору (первый раз в чине капитана, второй – полковника), оставил два тома воспоминаний об этих поездках, которые пользовались популярностью [64; 65].

Паллас правильно выделил две отдельные расы татар, ногаев и горцев<sup>130</sup>. Эти последние, однако, показались мне похожими своим обликом на турок и татар Костромы и Ярославля. Они – красивый и привлекательный народ; как и татары на севере России, они занимаются земледелием и торговлей; и здесь, также как и там, решительно отличаются от ногаев и других монгульских племен. Ногаи, однако, в Крыму, как оказалось, сильно улучшили свою породу через смешанные браки с <его> первоначальными жителями, будучи значительно более привлекательными, чем к северу от Золотых ворот. Горцы в старости носят большие густые бороды; татары равнин редко имеют больше, чем несколько тонких волос. Горцы – неуклюжие всадники, чем они напоминают северных татар. Их соседи скачут очень уверенно и хорошо. У меня была возможность увидеть двух ногайских мальчиков-пастухов, скакавших галопом на своих лошадях возле Кослофа, и которые показали действительно удивительное проворство и ловкость. Хотя лошади неслись на полном скаку, они вскакивали с места, стояли, выпрямившись, на седле, соскакивали на землю и снова <вскакивали> в седло, бросали свои нагайки на некоторое расстояние и подбирали их с земли. Еще примечательнее то, что, как мы убедились, они были просто пастухами, а эти упражнения не были чем-то выдающимся. И горцы, и пастухи – дружелюбные, кроткие и гостеприимные, за исключением <мест>, где они озлоблены своими русскими хозяевами. Мы никогда не приближались к селению в сумерках, где бы нам не предложили приют; или днем, не будучи приглашаемы поесть и попить; и, хотя они были столь внимательны, они одинаково казалось не беспокоившимися об оплате, даже за лошадой, которых они снаряжали; никогда не пересчитывая денег, и часто предлагая обойтись без них. Они неуклонно отказываются от русских денег; и нужно раздобыть достаточный запас услуков, пара и <263: ТАТАРСКИЕ ЖЕНЩИНЫ>

цехинов<sup>131</sup>. Это – не единственный способ, которым они выражают свою нелюбовь к своим новым хозяевам; в одном селении мы были удивлены нашей скудной пищей, и нежеланием, которым обставлялась всякая вещь, пока мы не узнали, что они приняли нас за российских чиновников. Обнаружив, что мы иностранцы, в изобилии появились яйца, топленое масло, нардек и бекмисс<sup>132</sup>. Генерал Бардакоф<sup>133</sup> рассказал нам, что они любят говорить о политике; когда мы обратились к ним по этому поводу, они были сдержанными, и проявили большее незнание, чем мне бы показалось возможным или естественным. Паллас жаловался на их нелояльность, и много говорил об их лености<sup>134</sup>. Но их виноградники

<sup>130</sup> На самом деле, Паллас говорит о трех «отделах» татар – ногаях, жителях равнин и северных склонов крымских гор и населении южных долин гор [26, с. 148].

<sup>131</sup> Имеется в виду юзлык – самая большая турецкая серебряная монета; пара – турецкая же мелкая серебряная монета, цехин – золотая венецианская монета. В ноябре 1806 г., уже после возвращения из поездки, Хебер писал одному из друзей: «Среди татар ходят только турецкие деньги, так что вам нужно запастись некоторым их количеством в Симферополе. Самая большая серебряная монета, услук, обычно стоит 120 копеек, пиастр – 80; мелкие монеты – пара, по 100 в услуке» [1, р. 315]. Впрочем, монетный курс постоянно колебался [например: 26, с. 207; 47, р. 35; 62, с. 29].

<sup>132</sup> В другом месте Хебер поясняет, что нардек – это виноградный мармелад, а бекмисс – сироп, приготавливаемый из варки различных фруктов с медом [1, р. 206].

<sup>133</sup> О нем см. с. 259 оригинального текста и прим. 110. Любопытно, что в прошлый раз Хебер пишет эту фамилию по-иному и приводит другое звание.

<sup>134</sup> См., например: [26, с. 148-149, 153, 155, 156].

содержатся очень искусно<sup>135</sup> и аккуратно поливаются; и, что вряд ли является знаком праздности, их дома, одежда и люди одинаково чисты. Но его рассказ показался мне совсем не достаточно благосклонным. Они, я полагаю, здоровая раса; но мы столкнулись с одним случаем, когда легкая рана, по небрежению, стала очень болезненной и опасной. На вопрос, какие у них есть средства от болезней, они дали замечательный ответ: «Мы кладем заболевшего человека на кровать; и, если Бог даст, он выздоравливает. Аллах *Керим!*<sup>136</sup>».

Их женщины скрываются даже больше, говорил герцог де Ришелье, чем жены турецких крестьян; и пребывают в сильном потрясении и страдании, если <их> увидят, на мгновение, без покрывала. Как мужчины, они имеют очень красивый и светлый цвет лица, с темными глазами и волосами, и орлиными носами. Среди мужчин были некоторые фигуры, которые могли бы послужить моделями для <изображения> Геркулеса; а горцы имеют очень сильный и быстрый шаг при ходьбе. В каждом селении есть имам, который носит зеленый тюрбан, и который также обычно является школьным учителем. Не многие, однако, из крестьян могли читать или писать; казалось, они уделяют мало внимания обычным часам молитвы.

Наш путь в Берислав лежал через озера и ручьи, и завершился в песчаной пустыне, которая во время дождей часто затопляется; это продолжалось до берегов Днепра, перейдя который, мы достигли Берислава. Это маленький город, основанный императрицей Екатериной по правильному плану на прекрасном пологом берегу возле реки, с плавучим мостом, который убирают каждую зиму. По Днепру, подобно Дону, плавают на двойных челнах, состоящих из двух очень узких <лодок>

#### <264: БЕРИСЛАВ – ХЕРСОН>

выдолбленных из деревьев, и соединенных платформой. В городе широкие улицы под прямыми углами друг к другу; но дома – в большинстве бедные деревянные хижины. Страна окрест целиком из хорошей земли, но лишена воды; здесь есть, однако, много селений, и много акров<sup>137</sup> обработанной земли по берегам реки; и где бы ни находился колодец, там обычно есть небольшое скопление домов, привлеченных таким сокровищем. На стороне Днепра начинается правильная серия еврейских домов, которые являются единственными тавернами или гостиницами на всем пути до Австрии. Евреи имеются в изобилии в каждой части Малой и Новой России. В Московии они очень редки.

Из Берислава в Херсон путь лежал через повторяющийся ряд степей, различавшихся лишь в единственном отношении – большим количеством стоячей воды, которая угрожала путешественникам лихорадкой и смертью. Херсон постепенно погружается в упадок от нездоровья своего расположения, и еще больше – от предпочтения, отданного Одессе. Но зерно, пенька, и другие предметы экспорта здесь настолько дешевле и изобильнее, что многие иностранные суда все еще предпочитают этот порт, хотя правительство обязало их сначала проходить карантин, и разгружать свои грузы в Одессе. Зерно дешево и изобильно; но лес много дороже, чем на севере, поскольку днепровские пороги обычно мешают сплавлять его вниз по реке. Здесь есть благородный лес, который мы видели в Подолии, недалеко от Бога, красивой реки, не обремененной порогами; но, поскольку <при заготовке этого леса> было бы необходимо перевозить его по суше на некоторое <расстояние>

<sup>135</sup> Ср. с. 255 оригинального текста.

<sup>136</sup> Аллах милостив! (*араб.*).

<sup>137</sup> 1 акр = 4047 м<sup>2</sup>.

он до сих пор почти «*intacta securi*»<sup>138</sup>. Арсенал в Херсоне обширный и интересный; в нем есть памятник Потемкину, его основателю. Строились два фрегата и семидесяти четырех <пушечный корабль>; в виду наносов их сплавляют вниз, в Лиман,<sup>139</sup> на верблюдах, как в Петербурге<sup>140</sup>. Ничто не может быть тоскливее, чем панорама реки, которая создает много потоков, текущих через болотистые острова, где виднеются мачты судов, возвышающиеся из гущи зарослей и высоких камышей. На этих островах много диких кабанов, которых часто видят плывущими от одного <острова> к другому.

Никто из иностранных купцов любого ранга здесь не задерживается; те, кто совершает сделки в порту, проводит их через клерков и суперкарго. Моя информация о Херсоне в основном

#### <265: МОГИЛА ГОВАРДА – ОДЕССА>

почерпнута от шотландца по имени Геддс. Могила Говарда находится в пустыне, примерно в миле<sup>141</sup> от города; она была построена адмиралом Мордвинофом, и представляет собой маленькую кирпичную пирамиду, побеленную, но без какой-либо надписи; он сам указал место своего погребения<sup>142</sup>. Он построил маленькую хижину в этой части степи, где он провел большую часть своего времени, поскольку это было самое здоровое место в округе. Английскую<sup>143</sup> погребальную службу прочел над ним адмирал Престман<sup>144</sup>, от которого я получил эти подробности. На небольшом расстоянии <оттуда> построены две небольшие виллы, полагаю, также из-за здорового местоположения, поскольку здесь нет больше ничего, что могло бы служить рекомендацией. О Говарде все, кто его помнил или знал, говорили с чрезвычайным уважением и симпатией; и таковых было много.

<sup>138</sup> Сохранился нетронутым (*лат.*).

<sup>139</sup> Хебер воспринял слово «лиман» как имя собственное, название залива, куда впадают Днепр и Южный Буг. Случай не единичный: в книге Гатри фигурирует «Лиман, или озеро в устье Днестра» [30, р. 429, cf. р. 433].

<sup>140</sup> «Никаких кораблей в Кронштадте не строятся; все они сооружаются в адмиралтейской <верфи> в Петербурге и сплавляются на верблюдах через отмель; это ужасно их деформирует; но положение адмиралтейской <верфи> было определено Петром Великим в месте, где он мог лично каждый день проверять все, что там происходит» [1, р. 130]. Ср.: «...здесь <т.е. в Херсоне> быть верфям не очень хорошо; потому что когда корабль поострен, и когда надобно его спускать в ту часть канала, которая бы довольно была глубока для корабля: то непременно надобно его тащить верблюдами...» [29, с. 250-251].

<sup>141</sup> 1,609 км.

<sup>142</sup> Джон Говард (1726-1790 гг.) – английский исследователь и путешественник, дважды побывавший в России – в 1781 и в 1789-1790 гг. Приехав в Россию для изучения заболеваемости среди солдат, он сам заразился сыпным тифом и умер. Говард был похоронен в современном селе Степановка Херсонской области [биография Говарда и рассказ о его пребывании в России приведены в: 70]. О том, что тяжело больной Говард сам выбрал место своего погребения, свидетельствуют воспоминания очевидцев. В 1950 г. могила Говарда была уничтожена [66, с. 4].

<sup>143</sup> Точнее, англиканскую.

<sup>144</sup> Иван Иванович Престман, англичанин по происхождению, был принят на русскую службу в 1786 г. Во время пребывания в России Говарда был командиром фрегата на Черноморском флоте. Впоследствии дослужился до вице-адмирала (1801 г.), командовал Черноморским гребным флотом (1802-1806 гг.) и начальником флотских команд в Николаеве (с 1804 г.).

Николаеф, на Боге, в примерно шестидесяти верстах<sup>145</sup> от Херсона, – растущий город, очень выгодно расположенный; будучи вне днепровских наносов, он является станцией для судов при постройке, и сюда их ставят для ремонта. Ничто, следует думать, кроме дороговизны новых верфей, не заставляет правительство упорствовать в своей системе постройки судов в Херсоне, когда этот соседний город имеет так много выдающихся преимуществ. Он обладает прекрасной рекой, без наносов и порогов, глубокой стоячей водой, и здоровым местоположением. О судах, однако, говорят, что они гниют быстрее, чем в Севастополе.

Путь в Одессу лежит через плоскую степь, с несколькими пересекающими ее потоками, узкими глубоко вдавшимися в берег морскими заливами, и некоторыми солеными озерами. Одесса – очень интересное место, и будучи правительственной резиденцией и единственным разрешенным карантинном, исключая Каффу и Таганрог, и, хотя возведено очень недавно, уже богатое и цветущее. Невозможно переоценить герцога де Ришелье, управлению которого, а не каким-либо природным преимуществам, этот город обязан своим процветанием. Залив – хороший и безопасный, но вокруг одна пустыня; и он страдает от нужды в судовой реке и большого недостатка чистой воды. В городе есть два колодца, оба солоноватые, и третий, очень хороший, на противоположной стороне залива; четвертый был открыт как раз тогда, когда я там был, в саду итальянского купца, и о нем говорили как о серебряном руднике. Все товары или доставляют на барках из Херсона, или везут через

<266: ОДЕССА>

степь на быках, которых видели лежащими на улицах и на новой пристани, сильно измученными жаждой, и почти взбешенными в борьбе за попадание к воде, когда ее наливали в корыта. Местоположение города, однако, здоровое и приятное в других отношениях; карантин обширный и хорошо построенный.

Насколько я смог узнать, а я сделал много запросов, очень плохая политика – держать карантин в Одессе, а не в Отчакофе, где были уже построены город и крепость в положении совершенно защищенном от турок; и который, находясь у слияния Бога и Днепра, является естественным торговым центром в этих морях. Гавань, я так понимаю, совершенно безопасна; и даже если Лиман был небезопасен, Бог предоставляет постоянное убежище. Возражение, обычно выдвигаемое, было в необходимости безопасного карантина; на что отвечали, что место Кинбурна предоставляет местоположение даже более безопасное, чем Одесса. Если эти факты – правда, мудрое правительство восстановило бы, вероятно, не обескураживая Одессу, карантин в Отчакофе, и позволило им обоим искать свой шанс в честной конкуренции. Однако кажется, что в России плохо это понимали. Потемкин не имел других мыслей о стимулировании Херсона, кроме разрушения Таганрога; а в настоящее время Херсон должен быть принесен в жертву новому фавориту, Одессе.

Г-ну Ричарду Хеберу

Леопольд, 17 июня 1806 г.

---

Умер в 1811 г. [67, с. 762]. Кларк посвятил несколько страниц описанию своей встречи с Престманом и рассказу о деятельности и последних днях Говарда [6, р. 398-403, 406].

<sup>145</sup> 64,008 км.

Мой дорогой брат!

Я написал два письма из Одессы, надеясь, что ты получишь оба, хотя они отправились двумя очень разными путями. С тех пор мы заняты медленной, хотя и не лишённой приятности поездкой через Польшу, австрийской доли которой столица Леопольд, или Лемберг, как его иногда называют<sup>146</sup>. Почта из Одессы до границы Российской империи так ненадежна, что в Одессе нам посоветовали нанять лошадей, которые доставят нас в австрийский город Броды. Ты можешь представить себе, что поездка на четыре сотни миль<sup>147</sup>, на одних и тех же плохих лошадях, будет делом долгим. До самой Балты, древней границы Польши, мы не видели ничего, кроме таких же печальных равнин, необитаемых, за исключением нескольких казаков во главе полчищ лошадей и верблюдов. На этой стороне Балты, однако, мы обнаружили

<267: ПОДОЛИЯ – ЕВРЕИ – БРОДЫ>

очень быстрое изменение к лучшему.

Ни одна часть Древней России, которую я видел, исключая, возможно, некоторой части провинции Ярославля, не сравнится по плодородию или красоте с ее польскими приобретениями. Ни берега Волги, ни даже сам Крым не имеют ничего подобного дубовым лесам и зерновым полям Подолии. Различие, принципиально поразившее нас, было во внешнем виде домов и городов, замощенных и узких улицах, распятиях по сторонам дорог, мужских монастырях, латинских надписях и других знаках иной религии, и в обычаях, более тесно приближающихся к остальной Европе. Большинство низшего класса принадлежит, однако, к греческой религии, а несколько сельских церквей были грубыми имитациями куполов, которыми так гордятся русские. Число евреев также весьма поражает; в Московии в строгом смысле слова их никогда не увидишь; в Малой и Новой России они начинают появляться; но в этой части Польши, истинно полагаю, они составляют одну треть от всего населения. Все постоянные дворы содержатся ими; и мы слышали ужасные рассказы об их грязи и бедности. Однако для нас, бывших хорошо подготовленными к испытанию обеими, они были на самом деле очень терпимыми. Мы всегда могли получить, по крайней мере, чистую солому и нормальную провизию, и это было немалой роскошью. Крестьяне – очень бедные и подавленные. В Галлии, впервые в своей жизни, я увидел женщин идущих за плугом, и разбивающих камни на дороге. Я не знаю, с каким обстоятельством связать эту бедность, ведь законы были более терпимы к крестьянам, чем в России. Их дома действительно лучше и чище, чем у обычных крестьян-москвитов.

Мы прибыли в Броды через день после австрийского, или, как его называют русские, «римского» консула; мы были представлены ему в Одессе, и нашли знакомство с ним очень полезным, чтобы направить нас в хороший постоялый двор и провести нас, с меньшими проблемами, через таможеню. Австрийская почта все еще очень хороша, но она сильно пострадала при прохождении армии<sup>148</sup>. Несколько человек в Леопольде пожалова-

---

<sup>146</sup> Имеется в виду Львов, который после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. был переименован в Лемберг и стал резиденцией наместников австрийской части Польши – штатгальтеров. Леопольд – возможно, не совсем удачная попытка Хебера перевести славянское название города.

<sup>147</sup> 643,6 км.

<sup>148</sup> Вероятно, имеется в виду один из эпизодов русско-французской войны 1805 г. Годом

лись на поведение русских войск на марше через страну; но крестьяне кажутся довольными их образом действий, и <они> были сильно потрясены хорошей одеждой и веселой униформой, которую они носили.

<268: БРОДЫ – ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ПУТЬ>

Страна, попавшая в долю Австрии<sup>149</sup>, более живописная и более населенная, чем доля России; но явно не так плодородна. Обе они, однако, были бы названы плодородными и красивыми в богатейшей части Англии. Национальная одежда и обритая голова все еще в повсеместном пользовании у низших классов. Мы видели только один пример «*plica polonica*»<sup>150</sup>, и она <т. е. болезнь> считается редкой. Среди знати старые люди все еще выбриты и одеты так, как их предки, в длинные сутаны, подпоясанные широким кушаком; однако саблю, древний знак благородных людей, после раздела <Польши> носят редко. «*Fuimus Troes*»<sup>151</sup>. Леопольд – очень значительный город, имеющий 30 000 жителей. Он был любимым местом жительства Джона Собеского<sup>152</sup>, чей дворец все еще показывают. Карл Двенадцатый лично прибыл сюда для осады города, и вряд ли нужно говорить, что он добился успеха<sup>153</sup>.

Мы привезли с собой несколько хороших рекомендаций, в частности, письмо от почтенного русского генерала Михельсона<sup>154</sup> к губернатору, старому венгерскому графу Урмени<sup>155</sup>, чья доброта снабдила нас несколькими письмами в Буду<sup>156</sup>. Мы намереваемся избрать эту дорогу до Вены, поскольку последние новости из России, кажется, сделали неизбежным наше возвращение через Ригу<sup>157</sup>. Наши рекомендательные письма адресованы по-латыни, каковой язык все еще много используется в Венгрии. Потому мы освежаем в памяти фразы и вспоминаем наши старые учебники. «Избранное» Виллимота <Willimot's Peculiaris> стало бы для нас настоящим сокровищем, как и любой другой разговорник.

---

ранее Россия, не желая чрезмерного усиления Наполеона, вступила в третью антифранцузскую коалицию с Австрией и Англией. Боевые действия велись в 1805 г. на территории Австрии и Баварии. После поражения армии коалиции в Аустерлицком сражении Австрия вышла из войны, русские войска под командованием М.И. Кутузова отведены в Россию.

<sup>149</sup> В результате трех разделов Польши Австрия получила ее юго-западную часть, в том числе Краков и Львов.

<sup>150</sup> Колтун, который в эпоху Хебера считался особой болезнью, распространенной главным образом в Польше.

<sup>151</sup> «Были мы, троянцы» [Vergil. *Aeneid* 2.325], то есть, теперь их нет, все кончено – слова жреца Панфа, видевшего падение Трои.

<sup>152</sup> Ян III Собеский (1629-1696 гг.) – знаменитый польский полководец (самые известные победы – над турками под Хотинном в 1674 и Веной в 1683 г.), с 1674 г. – король Речи Посполитой.

<sup>153</sup> Шведский король Карл XII захватил Львов в ходе Северной войны 6(17) сентября 1704 г.

<sup>154</sup> Иван Иванович Михельсон (1740-1807 гг.), генерал от кавалерии, победитель Пугачева, участник двух русско-турецких войн. С 1800-1803 гг. – военный губернатор Крыма, в 1803-1805 гг. военный губернатор Белоруссии. В 1805 г. стал начальником армии на западной границе России, но вскоре переведен на командование резервами (видимо, тогда с ним и повстречался Хебер). В 1806-1807 гг. Михельсон – главнокомандующий Днестровской армией [68, с. 210-211].

<sup>155</sup> Йозеф фон Урмени (1741-1822 гг.) – австрийский штатгальтер Галиции в 1801-1806 гг.

Нам рассказывали о трудностях, которые ожидают нас, если мы выберем этот путь, но нас не очень легко испугать, и эти трудности заключаются лишь в получении лошадей и постелей. Небольшое усилие снабдит <нас> первым, а для второго нам нужно положиться на прославленное гостеприимство венгров. Наша дорога лежит через Карпатские горы, мимо Кашо, Эслау и Токая (где я буду пить за твое здоровье)<sup>156</sup>, в Буду. Оттуда в Вену мимо Раабы и Пресбурга<sup>159</sup>. Этот путь короток, а дорога вдоль берега Дуная превосходна. Я обещаю себе много удовольствия от получения писем в Вене. Наша остановка там не будет долгой. \*

\*\*\* Я обязательно увижу тебя до выборов в Олл-Соулз<sup>160</sup>.

Любящий тебя,

Реджинальд Хебер

---

<sup>156</sup> Венгерская столица находилась на правом берегу Дуная; в 1873 г. объединена с Обудой (также на правом берегу) и Пештом (на левобережье) в один город – Будапешт.

<sup>157</sup> В то время, когда Хебер ездил по югу России, международная обстановка в Европе стремительно менялась в сторону обострения. Поражение при Аустерлице (2 декабря 1805 г.) означало фактический распад антинаполеоновской коалиции. В декабре 1805 г. Австрия приняла тяжелые условия мира, продиктованные Бонапартом. Оставшись практически единственной страной, продолжавшей борьбу с Наполеоном, Россия попыталась достичь мира с французским императором. В феврале 1806 г. в Париже велись конфиденциальные переговоры о сепаратном мире между представителями Англии, Франции и России, однако в дальнейшем ситуация изменилась, и переговоры зашли в тупик. Вероятно, Хеберу стало известно об отказе Александра I подписывать предложенные Наполеоном (и крайне не выгодные для России) условия мира. Судя по дневнику, Хебер был во Львове в июне и уехал оттуда 19 го числа [1, р. 269]. Однако, вопреки ожиданиям, он возвращается в Англию через Вену, Прагу, Лейпциг и Гамбург, оказавшись в Лондоне в сентябре 1806 г. [1, р. 304].

<sup>158</sup> Кашо – немецкое название города Кошице в восточной Словакии (к северо-востоку от венгерского Будапешта). Эслау – описка Хебера (или ошибка редактора), автор имеет в виду Эрлау [ср.: 1, р. 290, 291, 293] – немецкое название Эгера, города на севере Венгрии. Токай – город в северо-восточной Венгрии. Эгер и Токай – знаменитые центры виноделия. Побывав там, Хебер пишет матери: «В стране Агрии (Эрлау) <то есть Эгер> делают превосходное красное вино, а еще лучшее – в Буде; это последнее очень похоже на портвейн... Лучшее белое вино, к тому же единственное, которое переносит транспортировку в другие страны, делают в стране Токая, и оно очень дорогое, даже на месте» [1, р. 293].

<sup>159</sup> Рааб – немецкое название реки Раба (приток Дуная), Пресбург – Братиславы.

<sup>160</sup> Один из оксфордских колледжей, членом которого был Реджинальд Хебер. Стремление Хебера принять участие в выборах объясняется тем, что в этом году в члены колледжа избирался его брат. Ему удалось вернуться в Англию в сентябре 1806 г., непосредственно к выборам, но, тем не менее, Ричард Хебер не был избран.

**Указатель имен, географических, этнических и топографических названий в VIII главе  
жизнеописания Реджинальда Хебера**

(приводятся страницы в издании 1830 г.; в угловых скобках – традиционное написание или современное название)

- Абиссиния, Abyssinia 260  
Ава, Ava 261  
Австрийский, Austrian 266, 267  
Австрия, Ausria 264, 268  
азиатский, Asiatic 241, 243  
Азоф <Азов>, Azoph 239-241  
Азофское <Азовское> море, sea of Asoph 240, 247, 251, 252  
Айоу Дагх <Аюдаг>, Ayou Dagh 239, 256, 257  
Акметчет <Ак-Мечеть, совр. Симферополь>, Akmetchet 239, 260  
Актиар <Ахтияр>, Aktiar 239, 258  
Алишта <Алушта>, Aliuschta 256  
американец, American 245  
английский, English 248, 251, 259, 261, 265, (язык) 247, 260  
Англия, England 243, 247, 268  
Арабат, Arabat 254  
арабский (язык), Arabian 260  
Аристофан, Aristophanes 256  
армяне, Armenians 252, 254, 259  
армянский, Armenian 252, 255  
Арриан, Arrian 255  
Афины, Athens 256  
Афон, гора, Mount Athos 248  
Аэ <Ея>, Ae 246  
Байдарская долина, vale of Baidar 239, 258  
Байдары, Baydar 256  
Балаклава, Balaclava 257, 258  
Балта, Balta 266  
Бандакоф, Bandakof 259  
Бардакоф, Bardakof 263  
Батчисераи <Бахчисарай>, Batchiserai 239, 253, 257, 259  
Батчисерайский дворец <Бахчисарайский дворец>, Batchiserai palace 260, также 239, 253  
Берислав, Berislav 239, 263, 264  
Бог <Буг>, Bog 259, 264-266  
Босфор <совр. Керченский пролив>, Bosphorus 247, 250, 257  
Броды, Brody 239, 266-268  
Буда, Buda 268  
Вена, Vienna 268  
венгерский, Hungarian 246, 268  
Венгрия, Hungary 268  
венгры 268  
Волга, Volga 267  
Воронец <Воронеж>, Voronetz 243  
Галлиция <Галиция>, Galicia 267  
Гатри <М.>, Guthrie 250  
Геддс, Geddes 265  
генуэзцы, Genoese 252, 255  
Герай, Gerai 244 (см. также: Селим Герай)

- Геркулес, Hercules 263  
Глеб <Святославич>, Gleb 247  
Говард <Дж.>, Howard 239, 265  
греки, Greeks 248, 255, 257  
греческий, Greek (религия) 257, 267, (язык) 248, 251  
грузин, Georgian 250  
Грузия, Georgia 245  
Гурзун <Гурзуф>, Gurzun 257  
Дельта <Дона>, Delta 239, 240  
Дерык-кое <Дерекой>, Deryk-кое 257  
Джексон <Дж.Г.>, Jackson 260  
Днепр, Dnieper 241, 259, 263-266  
Дон, Don 239, 240, 253, 254, 263  
древнегреческий, ancient Greek 247  
Дунай, Danube 241, 268  
Евпатория, Eupatoria 260  
евреи, Jews 239, 251, 256, 259, 260, 264, 267; еврей-караимы, Karaite Jews 252; польский еврей, Polish Jew 239, 255  
Еврейская скала <Чуфут-кале>, Jew's Rock 239, 260  
еврейский, Jewish 256, Jews' 264  
Европа, Europe 241, 251, 252, 267  
европейский, European 259  
Екатерина <II> Catherine, 243, 260, 263  
Екатеринодар, Ecatherinodar 239, 243-246  
Еникале, Yenikalé 247, 250  
запорогцы <запорожцы>, Zaporogians 242, 246  
Зингис Хан <Чингисхан>, Zingis Khân 244  
Золотые ворота <Перекоп>, Golden gate 261, 262  
Имерета, Immeretta 254  
Инкерман, Inkerman 259  
ислам, Islamism 244  
итальянский, Italian 247, 248, 252, 265, (язык) 248  
итальянец, Italian 253  
Итон, Eaton 254  
Кавказ, Caucasus 245, 258  
казаки, Cossacks 239, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 251, 266; донские казаки, Don Cossaks 241, 242; кубанские казаки, Cuban Cossacks 258; тчерноймойски <черноморские> казаки, Tchernoimoiski Cossacs 239, 241, 242  
казачий, Cossack 239, 240, 243, 246, 247, 249  
калмуки <калмыки>, Calmuk 240, 260  
калмукский <калмыкский>, Calmuk 239, 243  
караимы, Karaites 253; (см. также: караимы – еврей-караимы)  
Карасу-базар <совр. Белогорск>, Karasu-bazar 252  
Карл Двенадцатый, Charles the Twentieth 268  
Карнарвоншир, Carnarvonshire 256  
Карпатские горы, Carpathian mountains 268  
Каспий, Caspian 258  
Каффа <совр. Феодосия>, Caffa 248, 250-255, 257, 258, 265, Kaffa 239 (см. также: Феодосия)  
Кашо <Кошице>, Caschau 268  
Кая, Kaya 239, 256  
Кертч <совр. Керчь>, Kertch 239, 247, 250, 251  
Кинбурн, Kinburn 266  
Кларк <Э.Д.>, Clarke 255, 257 прим.\*

- Константинополь, Constantinople 244, 253, 255, 260  
Константиноф <Константинов>, Constantinof 243, 245  
Кориэсс <Кореиз>, Koriess 258  
Кослоф <совр. Евпатория>, Koslof 260-262  
Косса <коса на Тамани>, Kossa 250  
Кострома, Kostroma 262  
Криппс <Дж.М.>, Cripps 255  
Криу-метопон, Criu-metopon 257  
Кронштадт, Cronstadt 259  
Крым, Crimea 240, 242, 251, 256-259, 261, 262  
Кубань, Cuban (река) 239, 241, 245, 246  
Кутчук Кое <Кучук-Кой>, Kutchuk Koe 257  
Кутчук Стамбоул, Kutchuk Stamboul 253  
Ламбат, Lambat 239, 255, 256, 258  
Лампада, Lampas 256  
латинский (язык), Latin 248, 267  
латынь, Latin 243, 268  
Леопольд <совр. Львов>, Leopold 239, 266-268  
Лемберг <совр. Львов>, Lemberg 266  
Лиман <Днепро-Бугский>, Liman 264, 266  
Луган <Луганск>, Lugan 254, 259  
магометанский, Mahomedan 251, 252, 254, 260  
Малороссы, Malo-Russians 261  
Макмастер, Macmaster 254  
Марокко, Morocco 260  
Меньчиоф <Меньшиков А. Д.>, Menchikof 240  
Михельсон <И.И.>, Michelson 268  
Митридат <VI Евпатор>, Mithridates 250  
молдаване, Moldavians 247  
монгульский <монгольский>, Mongul 262  
Мордвиноф <Мордвинов Н.С.>, Mordvinof 257, 258, 265  
Москва, Moscow 245, 248  
московит, Muscovite 267  
Московия, Muscovy 264, 267  
Моуссин Поушкин А. <Мусин-Пушкин А.И.>, Alexis Moussin Pouschkin 247  
немецкий, German 239, 252/253, 254, (язык) 241  
Никита Боурун <м. Никита>, Nikita Bourun 257  
Николаеф <Николаев>, Nikolaef (город) 265  
ногаи, Nogays 262 (см. также: татары – ногайские татары)  
ногайский, Nogay 252, 262  
Одесса, Odessa 239, 264-267  
Олуз, долина, vale of Oluz 256  
Ормес Хэд, Ormes' Head 256  
Отчакоф <Очаков>, Otchakof 266  
Паллас <П.С.>, Pallas 239, 249, 251, 252, 255, 257, 258, 262, 263  
Партенак <Партенит>, Partenak 239, 256, 257  
Перекоп, Perekop 239, 261  
Персия, Persia 244  
Петербург, Petersburg 249, 254, 264  
Петр <I>, Peter 240  
Подолия, Podolia 239, 264, 267  
польский, Polish 267  
Польша, Poland 266-268

- Потемкин <Г.А.>, Potemkin 242, 264, 266  
Пресбург <Братислава>, Presburgh 268  
Престман <И.И.>, Priestman 265  
Рааб <Раба>, Raab 268  
Рига, Riga 268  
римский, Roman 267  
Ришелье <А.-Э., герцог де>, Richelieu 239, 245, 258, 263, 265  
Российская империя, Russian empire 266  
российский, Russian 243, 258, 263  
Россия, Russia 242, 243, 248, 254, 261, 262, 266-268; Малая и Новая Россия <Малороссия и Новороссия>, Little and New Russia 264, 267; Древняя Россия, Ancient Russia 267  
Рошфор <Рошешуар? граф де>, Rochfort 245, 258  
русские, Russians 241, 243, 244, 247, 257, 267  
русский, Russ 247, 251, Russian 247, 248, 250, 251, 253, 258, 259, 262, 267, 268 (язык) Russian 242, Russ 248  
Саймс <М.>, Symes 261  
Севастополь, Sebastopol 265  
Селим Герай, Selim Gerai 239, 248  
сибирский, Siberian 250  
Симферополь, Simpheropol 260 (см. также: Акметчет)  
скифский, Scythian 255  
славянский (язык), Slavonic 247, 248  
Смит, Smith 245  
Собеский Джон <Ян III Собеский>, John Sobiesky 268  
Стамбул <Стамбул>, Stamboul 258  
Старый Крым <Старый Крым>, Old Krim 253, 254 (см. также: Эски Крым)  
Страбон, Strabo 257  
Судак, Sudak 239, 255, 256  
Судакская долина, vale of Sudak 256  
Сфетиград, Sfetigrade 244  
Таганрог, Taganrog 254, 265, 266  
Тамань, Taman 239, (город) 245, 250, 247, 248 (см. также: Фанагория), (остров) 247, 250  
Тамартака, Tamartaca 247  
татары, Tartars 239, 248, 252, 253, 255-259, 261, 262, горцы, mountaineers 256, 258, 262, 263; ногайские татары, Nogay Tartars 239, 260, 261 (см. также: ногаи), кубанские татары, Cuban Tartars 242  
татарский, Tartar 253-255, 258, 263, (язык) 254, 260  
Темрук <Темрюк>, Temrook 247, 249 (см. также: Тремрук)  
Тмутаракань, Tmutaracan 247  
Токай <город>, Tokay 268  
Торнтон <Дж.>, Thornton 245, 246, 249, 251  
Трапезунт, Trebizond 254  
Тремрук <Темрюк>, Tremrook 239 (см. также: Темрук)  
Троицкая дорога, Troitza road 248  
Турецкая война, Turkish war 254, (вторая) 242  
турок, Turk 248, 262, 266  
турецкий, Turkish 242, 244, 246, 247, 254, 257, 263, (язык) 242, 252- 254, 260  
Тчеркасск <Новочеркасск>, Tcherkask 239, 240, 248  
тчерноймойски казаки <черноморские казаки>, Tchernoiemoiski Cossacs 239, 241, 242  
Урмени <Йозеф фон>, Urmeni 268  
фалаша, Falasha 260  
Фанагория <селение и крепость>, Phanagoria 247, 250 (см. также: Тамань)  
Феодосий <византийский автор>, Theodosius 247

Феодосия, Theodosia 252, 255 (см. также: Каффа)  
француз, Frenchman 247  
французский, French 253, (язык) 241  
Фэншоу <Феньш А.Е.>, Fanshow 253, 254  
Харкоф <Харьков>, Charkof 241  
Хебер Ричард, Heber Richard 266  
Херсон, Cherson 239, 241, 264-266  
Хиалта <Ялта>, Hialta 257  
христианство, Christianity 244  
Хэррогэйт, Harrogate 249  
циркасы <черкесы>, Circassians 239, 242-246, 248  
циркасский <черкесский> 242-246  
Чатыр Дагх <Чатырдаг>, Chatyr Dagh 256, 260  
Черное море, Black Sea 249, 252, 259 (см. также: Эвксин)  
швабы, швабский, Suabian 253  
Шванценберг, фон, Von Schwartzenberg 241  
шотландец, Scotchman 254, 266  
Эвксин <Понт Эвксинский, или Черное море>, Euxine 247 (см. также: Черное море)  
Эски Крим <Эски-Крым или Старый Крым>, Eski Krim 251 (см. также: Старый Крым)  
Эслау <Эрлау, или Эгер>, Eslau 268  
Ярослав <Ярославль>, Yaroslav 262, 267  
язычество, Paganism 244

#### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his Widow. With Selections from his Correspondence, Unpublished Poems, and Private Papers; together with a Journal of his Tour in Norway, Sweden, Russia, Hungary, and Germany, and a History of Cossacks. In two volumes. New York: Protestant Episcopal Press, 1830. Vol. I. 638 p.
2. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his Widow. With Selections from his Correspondence, Unpublished Poems, and Private Papers; together with a Journal of his Tour in Norway, Sweden, Russia, Hungary, and Germany, and a History of Cossacks. In two volumes. New York: Protestant Episcopal Press, 1830. Vol. II. 564 p.
3. Heber R. Palestine: A Poem, to which is added the Passage of the Red Sea. London, 1809.
4. Heber R. Poems and Translations. London, 1812.
5. Heber R. Europe: Lines on the Present War. London, 1809.
6. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tartary, and Turkey. Section 1. Second American edition. New York, 1813.
- 6a. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. Fourth edition. Volume the second. London, 1817.
7. Clarke E.-D. Voyages en Russie, en Tartarie, et en Turquie. Tome second. Paris, 1813.
8. Кларк М.Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / Пер. с фр. Н. Иванкевич, Н. Бусаревой // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. III.
9. Holderness M. New Russia: Journey from Riga to the Crimea by way of Kiev; with some account of the colonization and the manners and customs of the colonists of New Russia; to which are added notes relating to the Crim Tartars. London, 1823.
10. Heber R. The personality and office of the Christian Comforter asserted and explained, in a

- course of sermons on John XVI.7, preached before the University of Oxford, in the year MDCCCXV, at the lecture founded by the late Rev. John Bampton, M. A., Canon of Salisbury. Oxford, 1816.
11. Heber R. The Life of the Right Rev. Jeremy Taylor, D. D., Lord Bishop of Down, Conner, and Dromore, with a critical examination of his writings. London, 1824.
  12. The Cambridge history of English and American literature: An encyclopedia in eighteen volumes / Ed. by A.W. Ward, A.R. Waller, W.P. Trent, J. Erskine, S.P. Sherman, and C. Van Doren. New York; Cambridge, England, 1907-1921. 18 vols.
  13. Encyclopaedia Britannica. Chicago, 2003. 32 vols.
  14. Brice A.J.H.M. Reginald Heber, bishop of Calcutta, scholar and evangelist. London, 1894.
  15. Smith G. Bishop Heber, poet and chief missionary to the east, second lord bishop of Calcutta, 1783-1826. London, 1895.
  16. Heber R. Hymns: written and adapted to the weekly church service of the year. London, 1828.
  17. Heber R. Palestine, and other poems. Now first collected. With a memoir of his life. Philadelphia, 1828.
  18. Heber R. Sermons preached in England. New York, 1829.
  19. Heber R. Sermons on the Lessons, the Gospel, or the Epistle for every Sunday in the Year; preached in the parish church of Hodnet, Salop. London, 1837.
  20. <Heber R.> The Poetical Works of Reginald Heber. London, 1841.
  21. Heber R. Palestine, a prize poem; Europe, lines on the present war; Palestine: with The passage of the Red Sea. New York, 1978.
  22. Heber R. Poems and translations; Hymns written and adapted to the weekly church service. New York, 1978.
  23. Heber R. Narrative of a journey through the Upper Provinces of India from Calcutta to Bombay, 1824-1825, (with notes upon Ceylon,) an account of a journey to Madras and the Southern Provinces, 1826, and letters written in India. London, 1828. 2 vols.
  - 23а. Храпунов Н.И. Путеводитель по Восточной Европе начала XIX века // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып.3.
  24. Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in der jahren 1793 und 1794. Erster band. Leipzig, 1799. T. 1.
  25. Pallas P. S. Travels through the southern provinces of the Russian Empire. 4 vols. London, 1802-1803.
  26. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг. / Пер. С.Л. Белявской, А.Л. Бертье-Делагарда (Научное наследство. Т. 27). М., 1999.
  27. <Pallas P. S.> Tableau phisique et topographique de la Tauride, tiré du journal d'une vojage fairen 1794, par P.S. St.Petersbourg, 1795.
  28. Craven E. A journey through the Crimea to Constantinople in a series of letters from the Right Honorable Elizabeth Lady Craven, to His Serene Highness the Margrave of Brandebourg, Anspach, and Bareith; written in the year MDCCCLXXXVI. London, 1789.
  29. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. миледи Кравен / Пер. Д. Рунич. М., 1795.
  30. Guthrie M. A tour, performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London, 1802.
  31. Майков П. М. Герцог Ришелье в России // Русская старина. 1897. Т. 91.
  32. Из воспоминаний графа Рошешуара // Русский архив. 1890. № 4.
  33. Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация, Империя) // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820-годы. (Воспоминания участников Кавказской войны XIX века). СПб., 2002

34. Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
35. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
36. Медынцева А.А. Тмутараканский камень. М., 1979.
37. Мусин-Пушкин А. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794.
38. Феодосий. О местоположении Святой земли. Начала VI века. По рецензии Гильдемейстера издал, перевел и объяснил И. Помяловский // Православный палестинский сборник. СПб, 1891. Вып. 28.
39. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973.
40. Подосинов А.В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия: к 70-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков, 1997.
41. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М., 2003.
42. Пономарев Л.Ю. Средневековая Керчь. Керчь, 1999.
43. Казарин В.П., Яковенко Э.В. Пушкин и легенда о «Митридатом гробе» // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
44. Санжаровец В.Ф. Имя Митридата VI Евпатора в топонимии Крыма и Керчи // БИ. 2005. Вып. X.
45. Монтандон К. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетками, и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым (перевод с французского). Симферополь, 1997.
46. Montandon C.H. Guide du voyageur en Crimée, orné de cartes, de plans, de vues et de vignettes, et précédé d'une introduction sur les différentes manières de se rendre d'Odessa en Crimée. Odessa, 1834.
47. Peyssonel C. Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris, 1787.
48. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с рукописи, вступительная статья и примечания К.И. Раткевич. Л., 1941.
49. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. // Российский архив. 1996. Т. VII.
50. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; performed during the years 1825-1828; including particulars of the last illness and death of the emperor Alexander, and of the Russian conspiracy of 1825. By the late James Webster, Esq. of the Inner Temple. In Two Volumes. Volume I. London, 1830.
51. Купченко В.П. Кара-Даг. Путеводитель. Издание второе, дополненное. Симферополь, 1976.
52. Фирсов Л.В. Исары: очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990.
53. Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи (малый энциклопедический справочник). Тбилиси, 1991.
54. Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М., 1987.
55. Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
56. Домбровский О.И. Средневековые поселения и «Исары» Крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. К., 1974.
57. The Jewish Encyclopedia. 1901-1906. 12 vols.
58. Народы и религии мира: энциклопедия. М., 1999.
59. Brook K.A. The Jews of Khazaria. 2nd ed. Lanham; Boulder; New York; Toronto; Oxford, 2006.
60. Jackson J.G. An account of the empire of Marocco, and the district of Suse; compiled from miscellaneous observations made during a long residence in and various journies trough, these countries. London, 1809.
61. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджакских и ногайских татар и во весь Крым, с возвратом через Константинополь, Смирну и Триест

- в Австрию. В 1768, 1769 и 1770 годах с приобщением описания достопамятностей крымских. СПб., 1783.
62. Тунманн. Крымское ханство / Пер. с немецкого издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской, прим., пред. и прил. Н.Л. Эрнста. Симферополь, 1990.
  63. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.) / Пер. и ком. Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999.
  64. Symes M. An account of an embassy to the kingdom of Ava, sent by the general-governor of India, in the year 1795. London, 1800.
  65. Symes M. Journal of his second embassy to the Court of Ava in 1802. London, 1955.
  66. Ревенок Н. Восстановить памятник Джону Говарду на Херсонщине! // Агапит: Украинский историко-медицинский журнал. 2001. № 13.
  67. Русский биографический словарь в 25 т. М., 1896-1918. Т. «Плавильщиков – Премо».
  68. Русский биографический словарь в 25 т. М., 1896-1918. Т. «Маак-Мятлева».
  69. Белик Ю.Л., Ткачук Г.В. Крепость «Ени-Кале» на рубеже XVIII-XIX вв. // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
  70. Dixon H. John Howard and the Prison-World of Europe. From original and authentic documents. Webster, 1852.
  71. Легенды Крыма. Выпуск первый / Составители Н. Маркс, К. Арцеулов. М., 1913.

### **Khrapunov N. I.**

#### **The Crimea as Described by Reginald Heber (1806)**

#### **Summary**

Rev. Reginald Heber (1783-1826), famous British missionary, traveler and hymn writer, had been to the Crimea in his young age, after his graduation from Oxford. The Crimea was a stage in his long European travel including Scandinavia, Russia, Austria and Germany. In his journey, Heber kept the diary and drew sketches of the Crimean life. His Crimean album has not yet been published. His travel journal was issued by his widow as a part of Heber's biography after his untimely death in India where he served as Anglican bishop of Calcutta since 1823. Heber's description of the Crimea, although short, presents an interesting account of the peninsula's life and people in early nineteenth century, that is soon after the Russian annexation. The journal opens Heber as intelligent and penetrating observer, inquiring man and critical thinker. His writing style is simple and even monotonous, presenting a dry report of what he had seen. This makes a typical feature and difference of Heber's writings in comparison with other travelogues of the time, as well as forms his journal especially interesting for archaeologists, ethnographers and historians of the peninsula. For example, Heber is much more objective than famous Edward Daniel Clarke and more interested in modern circumstances than Maria Guthrie. Heber successfully collected interesting details of the Crimean peoples, their life style and occupations, daily life and culture. He informs important details about the population of Crimean towns and about the foreigners who were in Russian service in the peninsula. His picture of the Crimea is a good source for reconstruction the Europeans' perception of the peninsula in the period, as well as of their attitude to the Russian Empire and its role in life of its subjects. The given publication is the first attempt to translate the Crimean pages of Heber's travel journal into Russian. The translation is supplied with Heber's biography, observation of his work as a historical source, and commentaries to the text, where necessary.



Рис. 1. Портрет епископа Хебера по изданию 1830 г. Оригинальная подпись: «Его преосвященство Реджинальд Хебер, доктор богословия, покойный лорд-епископ калькуттский». Художник Т. Филлипс, гравер С.Х. Гимбер.

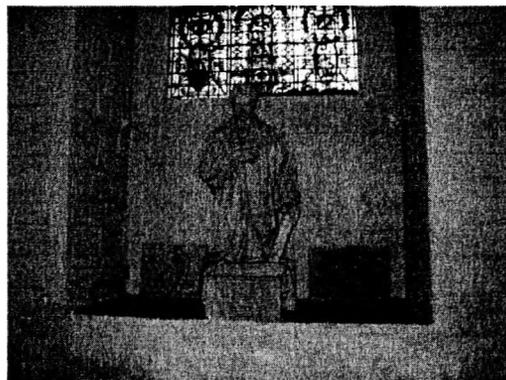


Рис. 3. Кенотаф Реджинальда Хебера. Собор св. Павла, Лондон.



Рис. 2. «Смерть епископа Хебера». Художник Х. Мелвилл, гравер Дж. Сэндз. Ок. 1845 г.

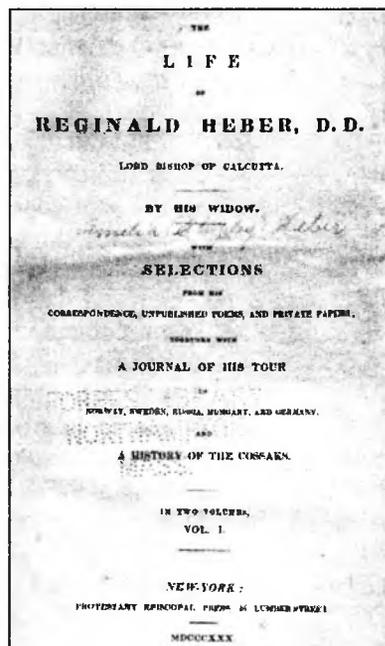


Рис. 4. Титульный лист «Жизнеописания Реджинальда Хебера». 1830 г.